

ВЛАДИМІРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1 Іюня

№ 11.

1899 г.

Цѣна безъ пересылки.	Цѣна съ перес. и доставк.
На годъ: въ тетрадахъ 4 р. — к.	На годъ: въ тетрадахъ 4 р. 50 к.
› корешкѣ . 4 › 25 ›	› корешкѣ . 4 › 75 ›
› обложкѣ . 4 › 50 ›	› обложкѣ . 5 › — ›

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Опредѣлены на мѣста—священническое: студентъ семинаріи Николай Алѣевъ 19-го мая въ село Польки, ковровскаго уѣзда.

Діаконское: псаломщикъ села Сидоровскаго, шуйскаго уѣзда, Константинъ Борисоглѣбскій 10-го мая въ Суздальскій Васильевскій женскій монастырь.

Псаломщицнія: бывшій ученикъ духовнаго училища Сергій Виноградовъ 13-го мая и. д. псаломщика въ село Кутуково, Владимірскаго уѣзда; окончившій курсъ духовнаго училища Илья Богдавленскій 20-го мая и. д. псаломщика въ село Сидоровское, шуйскаго уѣзда.

Перемѣщенъ: священникъ погоста Горь-Пневиць, переславскаго уѣзда, Александръ Загорскій 12-го мая въ Доцатый заводъ, меленковскаго уѣзда.

Уволенъ за штатъ: псаломщикъ села Кутукова, владимірскаго уѣзда, Владиміръ Магницкій.

Скончались: священникъ села Ново-Спасскаго, покровскаго уѣзда, Григорій Бѣляевъ 3-го мая; священникъ села Груздева, вязниковскаго уѣзда, Іоаннъ Жуковскій 2-го мая.

Праздныя мѣстимѣются—священническія: въ селѣ Rogozinich, переславскаго уѣзда; въ селѣ Хомяковѣ, александровскаго уѣзда; въ селѣ Монаковѣ, муромскаго уѣзда; въ селѣ Ново-Спасскомъ, покровскаго уѣзда; въ селѣ Груздевъ Вязниковскаго уѣзда; въ селѣ Польцахъ, муромскаго уѣзда, въ селѣ Горь-Пневицахъ, переславскаго уѣзда и при церкви на Гусевской хрустальной фабрицѣ, меленковскаго уѣзда.

Псаломщициня: въ селѣ Веськовѣ, переславскаго уѣзда; въ селѣ Хребтовѣ, того-же уѣзда; въ селѣ Багримовѣ, того-же уѣзда; въ городѣ Юрьевѣ при Покровской церкви; въ селѣ Голянищевѣ, юрьевскаго уѣзда; въ селѣ Георгіевскомъ, гороховецкаго уѣзда; въ селѣ Симаковѣ, того-же уѣзда, при Васильевскомъ Суздальскомъ женскомъ монастырѣ; въ селѣ Есиплевѣ, юрьевскаго уѣзда; въ селѣ Польцахъ, муромскаго уѣзда.

Во Владимірскомъ Архіерейскомъ домѣ свободно мѣсто послушника, требуется басъ, понимающій нотное пѣніе.

ОТЧЕТЪ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Владимірскаго Епархіальнаго Пріюта для престарѣлыхъ и неизлѣчимо больныхъ духовнаго званія
за 1898 годъ.

ПРИХОДЪ.	СУММА	
	РУБ.	К.
Къ 1-му Января 1898 года оставалось:		
1. Процентными бумагами Государств. Банка . . .	26000	—
2. Серіями Государственнаго Казначейства . . .	150	—
3. Наличными: а) по книжкамъ Сберег. Кассы . . .	1613	88
и б) расходными деньгами	21	09
Итого	27784	97
 Въ 1898 году поступило на приходъ:		
<i>Ст. I.</i>		
<p>Приобрѣтены покупкою два 4% свидѣтельства Государственной Ренты, по номинальной стоимости въ 1000 рублей каждое, всего на . . . . .</p>		
	2000	—
Итого по статьѣ	2000	—
 <i>Ст. II.</i>		
<p>Получено процентовъ по книжкамъ Сберегательной Кассы: за № 11882 . . . . .</p>		
	22	75
и за № 12512	13	60
<p>Получено процентовъ по купонамъ отъ процентныхъ бумагъ, за вычетомъ 5% купоннаго налога . . . . .</p>		
	1040	60
<p>Получено изъ Губернскаго Казначейства, въ возмѣщеніе 5% налога съ дохода отъ принадлежащихъ Пріюту капиталовъ за 1897 годъ 38 руб. 75 коп. и столько-же за 1898-й годъ,—а всего . . . . .</p>		
	77	50
Итого по статьѣ	1154	45

Ст. III.

Поступило отъ церквей и причтовъ епархіи пожертвованій
и сборовъ, представленныхъ чрезъ а.о. Благочинныхъ:

Александр. уѣзда:	городскаго округа прот. П. Радугина	19 60
	2 округа священника Ѳ. Загорскаго	6 —
	3 окр. протоіерея В. Богоявленскаго	25 —
	4 округа протоіерея П. Бѣльева	30 47
Владимір. уѣзда:	городскаго окр. прот. І. Красовскаго	13 08
	2 окр. священника А. Гортулянскаго	10 —
	3 округа священника А. Попова	12 —
	4 окр. священника М. Второвскаго	35 45
Вязников. уѣзда:	1 округа протоіерея І. Смирнова	43 30
	2 окр. священника П. Воскресенскаго	10 25
	3 окр. священника П. Чихачева	16 46
Гороховец. уѣзда:	1 окр. протоіерея А. Бережкова	7 30
	3 окр. священника Н. Нарбекова	9 75
Ковровск. уѣзда:	городскаго окр. прот. А. Радугина	3 50
	1 окр. священника А. Смирнова	13 —
	2 „ священника Н. Любимова	24 —
	3 „ священника Д. Капацынскаго	6 55
	4 „ священника В. Крылова	9 05
Меленков. уѣзда:	городскаго ок. пр. В. Филадельфина	19 80
	1 окр. протоіерея В. Санчурскаго	5 80
Муромск. уѣзда:	городскаго окр. прот. А. Орфанова	10 —
	1 окр. протоіерея В. Заколпскаго	7 —
	2 „ протоіерея П. Травчатова	44 30
	3 „ священника П. Смирнова	10 —
Переслав. уѣзда:	1 окр. протоіерея С. Громова	9 40
	2 „ священ. І. Святоезерскаго	10 —
	3 „ священника І. Леонидова	18 —
Покровск. уѣзда:	1 окр. протоіерея І. Елпатьевскаго	10 60
	2 „ протоіерея Т. Соколова	20 —
	3 „ священника Л. Ледоницкаго	8 50
	4 „ священника В. Соловьева	7 40
	5 „ священника В. Капацынскаго	10 —
Судогодск. уѣзда:	1 окр. священника І. Недешева	11 —
	2 „ священника Н. Яхонтова	12 55
	3 „ протоіерея В. Виноградова	9 25
Суздальск. уѣзда:	городскаго окр. прот. М. Хераскова	17 76
	2 окр. священника Евг. Лебедева	13 —
	3 „ протоіерея І. Семеновскаго	22 50
	4 „ священ. Евг. Акциденскаго	10 50
	5 „ священника І. Вишнякова	7 20

Шуйскаго уѣзда: соборнаго окр. прот. Фл. Дунаева	15	—
городскаго окр. прот. А. Казанскаго	15	40
г. Иваново-Вознесенск. протоіеря Д. Сперанскаго	6	—
1 окр. священника А. Благосклонова	18	77
2 „ священника В. Никольскаго .	20	—
3 „ протоіеря П. Виноградова	17	—
Юрьевскаго уѣзда: городскаго окр. прот. А. Знаменскаго	13	—
1 окр. прот. В. Покровскаго . .	5	—
3 „ священника Н. Бѣлавина .	21	25
4 „ священника В. Новосельскаго	11	—
5 „ прот. Елп. Грандилевскаго	3	50
6 „ протоіеря А. Вишнякова	8	—
7 „ священника А. Виноградова	15	50
Итого по статьѣ	758	74

Ст. IV.

За содержаніе въ пріютѣ получено . . . . . — —

1) съ новопоставленныхъ священниковъ:

Въ с. Елохъ, Юрьевскаго уѣзда, П. Радугина . .	5	—
Въ Омскую епархію Ипполита Ѳоминаскаго . . .	9	50
Въ с. Островъ, Суздальскаго уѣзда, С. Рѣзова .	2	—
Въ с. Шуково, того же уѣзда, І. Левкоева	4	—
Іеромонаха Козмина монастыря Меодія	1	—
„ Переславскаго Данилова монастыря Фла віана	2	—
Къ Всѣхсвятской, при ст. „Берендѣево“, церкви Конст. Покровскаго	6	—
Въ Омскую епархію Іоанна Любимова	5	—
Въ с. Устье, Владимірскаго уѣзда, М. Сергіевскаго	7	—
Въ с. Большіе Дорки, Вязниковскаго у., П. Пруден- това	4	50
Въ с. Соломидино, Переславскаго уѣзда, Павла Лебедева	5	50
Въ с. Ильинское-Подберезье, Александровскаго у., Василія Попова	9	50

2) съ новопоставленныхъ діаконівъ:

Іеродіакона Переславскаго Данилова монастыря Аѳанасія	2	—
Въ Переславскій городской соборъ Василія Громова	4	50

Въ Омскую епархію Флорентія Троицкаго	2 —
Въ Тобольскую епархію Владиміра Арбузова	2 —
Въ с. Коробовщину, Покровскаго у., Вас. Лебедева	3 50
Іеродіакона Юрьевскаго Архангельскаго мон. Іакова	1 50
Въ с. Шапкино, Ковровскаго уѣзда, П. Сперанскаго	4 —
Въ с. Фантырево, Юрьевскаго уѣзда, Ѳ. Троицкаго	— 50

3) с . . . танавливавшихся въ пріютѣ проѣздомъ или по дѣламъ службы:

Священника с. Татарова, Гороховецкаго уѣзда,	
І. Сахарова	1 —
Свящ. с. Воскресенскаго 2-го, Ковровскаго уѣзда,	
Евл. Ананьева	1 —
Свящ. с. Ильинскаго, Покровскаго уѣзда, Влад.	
Подлипекаго	— 50
Бывшаго воспитанника семинаріи Ів. Смирнова	5 —
И. д. псаломщика с. Кистыша, Сузд. у., П. Лебедева	2 50
Діакона—псаломщ. с. Махры, Александр. уѣзда,	
Л. Богоявленскаго	— 50
Псаломщика с. Чулкова, Муромскаго уѣзда, А. Ви-	
ноградова	2 50
Монаха Переславскаго Никитскаго мон. Аристарха	2 —
Діакона Суздальскаго Ризположенскаго монастыря,	
В. Веселовскаго	1 —
Учителя Яковлевской ц.-пр. школы, Покровскаго у.,	
А. Орлова	2 —
Учителя Польповскаго земскаго училища, Муромск.	
уѣзда, М. Сергіевскаго	2 —
Псаломщика Переславскаго городского собора Н.	
Чистякова	— 50
Псаломщика с. Краснаго, Шуйскаго уѣзда, Григ.	
Ѳеодоровскаго	1 50
Псаломщика с. Любца, Ковровскаго уѣзда, Сергія	
Ключарева	3 50
Іеромонаха Переславскаго Никитскаго монастыря	
Ѳеофана	1 —
Псаломщика с. Драчева, Меленковскаго уѣзда, П.	
Анисова	6 50
Псаломщика с. Вачи, Муромскаго уѣзда, А. По-	
бѣдоносцева	1 50
Учителя Георгіевской ц.-пр. школы, Шуйскаго у.,	
А. Попова	1 —

Отъ Боголюбова монастыря за содержаніе часовеннаго сторожа въ 1898 году	48 —
Итого по статьѣ	164 50

Ст. V.

Частныя пожертвованія:

Отъ настоятеля Флорищевой пустыни архимандрита Антонія	50 —
Отъ протоіерея с. Старыхъ Котлицъ, Муромск. у., В. Заколпскаго	3 —
Отъ Неизвѣстнаго чрезъ Преосвященнаго Епископа Платона	3 —
Отъ почетнаго попечителя пріюта В. А. Добровольскаго	50 —
Отъ него же на пасхальный столъ для призрѣваемыхъ „ протоіерея г. С.-Петербурга А. Соколова на поминавленіе іерея Андрея и Екатерины	50 —
Отъ священника с. Давыдовскаго, Переславскаго у., П. Аматава	1 —
Отъ іеродіакона Юрьевскаго Архангельскаго монастыря Іакова	— 50
Отъ священника с. Ильинскаго-Подберезья, Александровскаго уѣзда, Вас. Попова	— 50
Отъ псаломщика с. Вачи, Муромскаго у., А. Побѣдоносцева	— 25
Отъ псаломщика с. Любца, Ковровскаго уѣзда, С. Ключарева	— 30
Отъ діакона Скорбященской, гор. Иваново-Вознесенска церкви, Василія Добродушина	3 —
Итого по статьѣ	166 55

Итого по всѣмъ статьямъ поступило на приходъ:

1) процентными бумагами	2000 —
и 2) наличными деньгами	2244 24
Итого	4244 24

А съ остаточными отъ 1897 года:

1) процентными бумагами Государств. Банка	28000 —
2) серіями Государственнаго Казначейства	150 —
и 3) наличными деньгами	3879 21
Итого	32029 21

Сверхъ того пожертвовано натурой:

Отъ купца В. Н. Муравкина 10 мѣръ огурцовъ и 500 кочней капусты.

Отъ священника с. Ковергина, Владимірскаго у., $\frac{1}{4}$ фун. чаю и 2 ф. сахару.

Отъ діакона с. Кишлѣва, Владимірскаго уѣзда, 100 яиць.

РАСХОДЪ.

СУММА

РУБ. К.

Ст. I.

Харчевое содержаніе живущихъ въ пріютѣ:

Муки ржаной 74 пуда, по 70—90 к. за пудъ . . .	61 89
Муки пшеничной 11 п. $4\frac{1}{4}$ ф., по 2 р.—2 р 20 к. за п.	22 68
Муки гречневой 38 ф., по $4\frac{1}{2}$ —6 коп. за фунтъ . .	2 05
Муки гороховой 1 п. 21 ф., по 1 р. 60 к.—2 р. за п.	2 55
Солоду 2 п. 35 ф., по 1 р. 20 к.—1 р. 40 к. за п.	3 65
Крупы $21\frac{1}{4}$ мѣры, по 1 р. 50 к.—1 р. 80 к. за мѣру	35 45
Пшена $\frac{3}{8}$ мѣры на	— 98
Гороху $3\frac{1}{8}$ мѣры, по 1 р. 60 к. за мѣру	4 90
Рису $28\frac{1}{2}$ фун., по 8 к. за фунтъ	2 28
Вермишели $21\frac{1}{2}$ фун., по 14 коп. за фунтъ	3 01
Соли 5 пуд. 35 ф., по 32 коп. за пудъ	1 96
Масла скоромнаго 2 п. и $\frac{1}{8}$ ф., по 26 к.—30 к. за ф.	23 10
Масла постнаго 5 п. 33 ф., по 4 р. 40 к.—5 р. 20 к. за п.	29 89
Масла подсолнечнаго 4 ф., по 14—18 к. за фунтъ . .	— 64
Грибовъ бѣлыхъ $24\frac{1}{2}$ ф., по 47—70 к. за фунтъ . .	14 38
Лавроваго листа $1\frac{1}{4}$ ф., по 20 к. за фунтъ	— 25
Керосину 12 п., по 1 р. 30 к. за пудъ	15 55
Говядины 22 п. $\frac{1}{2}$ ф., по 4 р. за пудъ	88 05
Солонины 23 ф., по 10 к. за фунтъ	2 30
Баранины 14 ф., по 10 к. за фунтъ	1 40
Телятины 2 п. 35 ф., по 4 р. за пудъ, и $6\frac{1}{2}$ фун. по 8 к. за фунтъ.	12 02
Ливеровъ 3 штуки на	— 70
Сала 4 п. 9 ф., по 5 р. 60 к. за пудъ	23 66
Почекъ 1 штука на	— 25
Рыбы свѣжей $80\frac{1}{8}$ фун. по 10—17 к. за фунтъ . .	9 08

Судаковъ соленыхъ 115 ф., по 10—10 ¹ / ₂ к. за фун.	11	77
Севрюги 11 ⁷ / ₈ ф., по 18—23 к. за фунтъ	2	22
Снятковъ 8 ф., по 12—14 к. за фунтъ	1	04
Селедокъ 4 штуки, по 12 коп.	—	48
Головизны 126 ф., по 10 к. за фунтъ	12	60
Чаю 13 ф., по 1 р. 60 к. за фунтъ	20	80
Сахару 117 ф., по 17 к. за фунтъ	19	89
Дрожжей на 1 руб. 75 коп.	1	75
Бѣлыхъ хлѣбовъ 7, по 4 к.	—	28
Чернаго хлѣба 15 ф., по 2 к. за фунтъ	—	30
Творогу 2 ведра на	—	83
Яиць 110 штукъ, по 12—20 к. за десятокъ	1	56
Сметаны 11 кринокъ на	2	84
Картофлю 43 мѣры, по 20—35 к. за мѣру	9	16
Луку 5 ¹ / ₈ мѣръ, по 30—40 к. за мѣру	1	90
Моркови на	—	45
Свеклы 2 ³ / ₄ мѣры, по 40 к. за мѣру	1	10
Капусты кочнями на	1	14
Огурцовъ въ розницу на	1	13
Хрѣну, перцу, шавлю, укропа, чесноку и огор. сѣмянъ	1	—
Свѣчь стеариновыхъ для иллюминаци 2 ф., по 23 к.	—	46
Мыла 55 ⁷ / ₈ ф., по 11 к. за фунтъ	6	17
Слицъ шведскихъ 17 пачекъ, по 8 коп.	1	36
На пасхальный столъ для призрѣваемыхъ	5	20
Итого по статьѣ	468	10

Ст. II.

Расходы по построению и ремонту одежды, обуви и постельныхъ принадлежностей:

За починку 5 паръ лѣтней и 1 пары зимней обуви	2	70
За 6 подбодъяльниковъ по 80 коп. и за 6 чехловъ для коекъ по 35 к.	6	90
За шитье 20 подштанниковъ и 2 сорочекъ	2	75
За 50 арш. полотна для рубашекъ, по 20 к.	10	—
За шитье 13 рубашекъ	2	50
За изготовленіе 4 матрацевъ изъ готоваго матеріала, по 75 коп.	3	—
Итого по статьѣ	27	85

Ст. III.

а) Ремонтъ и хозяйственное содержаніе дома:

За 20 саж. березовыхъ дровъ, по 6 р. 50 к. саж.	130	—
За чистку дымовыхъ трубъ въ теченіе года	2	70
За набивку погреба и уборку дровъ въ сарай	3	—
За очистку ретирадныхъ мѣстъ и выгребныхъ ямъ	17	—
За починку борова въ кухонной печи	—	40
За страховку принадлежащихъ пріюту зданій	23	30
За 23 арш. ковра, по 50 к. за аршинъ	11	50
За окраску внутреннихъ стѣнъ и обѣлку потолковъ и зимнихъ рамъ и окраску пола въ квартирѣ эконома	20	—
За вставку зимнихъ рамъ на замаскѣ (38 ф. по 15 к.).	5	70
За мореніе таракановъ въ кухнѣ	1	25
Итого по статьѣ	214	85

б) Базарные и мелочные расходы:

Углей 16 кулей, по 50—80 к. за куль	10	60
Тарелокъ $\frac{1}{2}$ дюжины	—	60
Чайныхъ чашекъ съ блюдами 4 шт.	—	68
2 глиняныхъ кувшина	—	30
1 деревянная чашка.	—	18
1 щетка ламповая и фитилей на	—	25
Чугунъ въ $1\frac{1}{4}$ ведра	1	60
2 сковороды, по 20 к.	—	40
За починку погребной—огуречной и капустной посуды и хлѣбной квашни	12	92
7 штукъ мочальныхъ швабръ на	—	80
За кухонные глиняные горшки	—	62
1 кухонный ножъ	—	30
15 штукъ метель	—	40
3 деревянныхъ ведра на.	—	43
1 глиняная плшка	—	03
1 огородная лейка	—	50
1 противень желѣзный.	—	30
1 ковшъ желѣзный	—	15
1 рѣшето	—	10
Детю и рыбьяго жира на	—	10
1 деревянная лопата	—	20
За перевозку капусты съ огорода и на извоц.	3	—
За рубку капусты 4 поденницамъ, по 25 коп.	1	—
Краска для пасхальныхъ яицъ на	—	05

На приѣмъ иконы Боголюбской Божіей Матери . . .	—	90
На матерію и шестики для флаговъ.	—	55
За мытье половъ послѣ окраски стѣнъ и потолка. .	—	60
Праздничныхъ служителю и кухаркѣ	2	—
Итого по статьѣ . .	39	56
<i>Ст. VI.</i>		
На жалованье выдано:		
Служителю приюта	95	43
Кухаркѣ приюта	42	—
Водовозу	18	10
Прачкѣ за стирку бѣлья—25 п. 1 ф., по 1 р. 30 к.	32	52
Уличному сторожу	3	90
Итого по статьѣ . .	191	95
<i>Ст. V.</i>		
Экстраординарные расходы:		
Снято съ книги сберегательной кассы за № 12,512 на покупку свидѣтельства 4 ⁰ / ₁₀₀ государств. ренты въ 1000 р.: по курсу 1003 р. 75 к. ⁰ / ₁₀₀ ⁰ / ₁₀₀ по купонамъ 6 р. 55 к. и за гербовую марку 05 к.,—всего . .	1010	35
Снято съ книги сберегательной кассы за № 11,882 на покупку свидѣтельства 4 ⁰ / ₁₀₀ государств. ренты въ 1000 р.: по курсу 1013 р. 75 к., ⁰ / ₁₀₀ ⁰ / ₁₀₀ по купонамъ 3 р. 27 к. и за гербовую марку 05 к.,—всего . .	1017	07
Въ аптеку Брандта уплачено за мочеприемникъ. . .	3	75
За лекарства и дезинфекціонныя средства.	8	93
На погребеніе заштатн. псаломщ. Матвѣя Звѣрева .	15	81
” заштатн. діакона Н. Рождественскаго	14	38
За доставку больного въ земскую больницу	—	40
Итого по статьѣ . .	2070	69
Всего по всеѣмъ статьямъ израсходовано . .	3013	—
Къ 1-му января 1899 года состоитъ въ остаткѣ:		
1) Процентными бумагами Государств. Банка . . .	28000	—
2) Серіями Государственнаго Казначейства	150	—

3) Наличными—а) по книжкамъ сберегат. кассы . . .	824	96
„ и б) расходными деньгами	41	25
И Т О Г О	29016	21

Предсѣдатель Совѣта, протоіерей *Василій Косаткинъ*.

Члены: { Протоіерей *Василій Преображенскій*
 Протоіерей *Іоаннъ Красовскій*.
 Священникъ *Іоаннъ Холуйскій*.

1899 года марта 10 дня члены ревизіоннаго Комитета, священники гор. Владиміра: Борисоглѣбской церкви—Василій Орловъ, Предтеченской церкви—Іоаннъ Уваровъ и Срѣтенской церкви—Михаилъ Бѣляевъ, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 15 января сего года за № 51, послѣдовавшей на представленіи Совѣта Епархіальнаго Пріюта, отъ 13 января за № 1, разсматривали отчетъ за 1898 годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, принадлежащихъ означенному Пріюту, провѣряя оный съ приходорасходною книгою, а также съ журналами Совѣта и оправдательными денежными документами, равно какъ свидѣтельствовали и самый капиталъ, принадлежащій Пріюту,—при чемъ отчетъ оказался во всемъ вѣренъ какъ съ приходо-расходною книгою и журнальными постановленіями Совѣта, такъ и съ оправдательными денежными документами, а денежный капиталъ Пріюта оказался весь на лицо полностью,—въ чемъ и составили сей актъ.

Члены Ревизіоннаго Комитета:

Борисоглѣбской церкви священникъ *Василій Орловъ*.

Срѣтенской церкви священникъ *Михаилъ Бѣляевъ*.

Предтеченской церкви священникъ *Іоаннъ Уваровъ*.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Сергія, Архіепископа Владимірскаго.

НОВАЯ КНИГА!

Годичный кругъ словъ на воскресные и праздничные дни. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 50 к. Для Церквей и приходоѡ Владимірскаго епархіи 1 р. 50 к.

Преподобный Михаилъ Маленнъ и трехсотлѣтіе рожденія Благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича. 12 іюля 1596—1896 г. Цѣна съ примѣчаніями 15 к., съ пересылкой 20 коп.; безъ примѣчаній 10 к., съ пересылкой 15 коп.

Избранныя житія святыхъ (или доселѣ неизвѣстныя въ Россіи, или восполненныя по неизвѣстнымъ доселѣ источникамъ, или замѣчательныя по несомнѣнности знаменій и чудесъ святыхъ) 287 стран. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры (противъ невѣрія, иновѣрія и раскола, съ присовокупленіемъ статьи: Библія и современныя науки). Изданіе второе, Ц. 1 руб. 25 коп. Пересылка за 2 ф. по разстоянію.

Изслѣдованіе Библейской Хронологіи. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

Книги можно получать чрезъ канцелярію Архіепископа Владимірскаго и въ складѣ Александро-Невскаго Братства.

Отъ Правленія Владимірской Духовной Семинаріи.

Въ 1900 году предполагается издать Исторію Владимірской Духовной Семинаріи по случаю исполненія въ Январѣ мѣсяцѣ того года 150 лѣтъ со времени ея основанія. Извѣщая о семь лицъ, получившихъ образованіе во Владимірской Духовной Семинаріи и служившихъ въ ней, покорно просимъ ихъ доставить въ возможно скоромъ времени во 1) свѣдѣнія о времени своего выхода изъ Семинаріи, родъ и мѣстѣ занимаемой службы, а также литературныхъ трудахъ, буде таковыя имѣются, и во 2) такого же рода свѣдѣнія относительно своихъ отцевъ и родственниковъ, къ настоящему времени умершихъ, съ указаніемъ, по возможности, года ихъ смерти. Сообщенія можно адресовать въ Правленіе Семинаріи, или на имя преподавателя Семинаріи Н. Малицкаго.

Отъ Правленія Переславскаго Духовнаго училища.

Правленіе Переславскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что съ 1-го августа с./г. имѣють открыться при училищѣ двѣ вакантныя должности: первая—учителя пѣнія и управителя хоромъ пѣвчихъ въ училищной церкви съ вознагражденіемъ 340 руб. въ годъ и—вторая, освобождающая отъ воинской повинности, должность надзирателя за учениками съ жалованьемъ 240 руб. при казенномъ столѣ и квартирѣ. Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства для болѣе прочной постановки пѣнія и улучшенія матеріальнаго положенія, обѣ должности могутъ совмѣститься въ одномъ лицѣ. Желаящія занять совмѣстно означенныя должности должны быть опытными въ преподаваніи пѣнія и управленіи пѣвчими. Кандидатами могутъ считаться Студенты Семинаріи или изъ имѣющихъ окончить курсъ въ текущемъ году, или изъ прежде окончившихъ. Прошенія подаются на имя Смотрителя училища, оплаченныя гербовымъ сборомъ, съ обозначеніемъ, на одну-ли изъ поименованныхъ должностей желаетъ поступить податель прошенія, или на обѣ вмѣстѣ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Епархіальныя извѣстія.—Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Владимірскаго Епархіальнаго Пріюта.—Объявленія.

ВЛАДИМИРСКІЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТИ

1 Іюня

№ 11.

1899 г.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

С И Н А Й.

Послѣ Святой земли, которую Спаситель міра оросилъ Своєю безцѣнною кровію, нѣтъ другой страны, которая вѣщала бы человѣчеству о Богѣ столь же громко, какъ вѣщаетъ о Немъ пустыня Синайская, гдѣ Господь во всемъ блескѣ Своего неизреченнаго величія даровалъ избранному народу законъ жизни, гдѣ Самъ непосредственно воспитывалъ его по началамъ Своей Божественной мудрости, гдѣ Онъ окружалъ его много-

различными чудесами Своего милосердія и правосудія. Въ этой пустынѣ, среди ея грандіозныхъ скалъ и ущелій, благочестивому путнику, почти на каждомъ шагу, видятся, сквозь дымку вѣковъ, отблески той Божественной славы, которая здѣсь нѣкогда сіяла, и слѣды тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя совершались здѣсь Божественною рукою.

Великій моментъ въ исторіи избраннаго народа Божія, именно моментъ дарованія ему закона, Господу угодно было запечатлѣть въ одномъ изъ великихъ праздниковъ ветхозавѣтныхъ, именно въ праздникѣ Пятидесятницы. Но Ветхозавѣтная Пятидесятница была предъизображеніемъ и нашей христіанской. Поэтому не будетъ излишнимъ, если мы, предъ наступленіемъ христіанской Пятидесятницы, кратко изложимъ свѣдѣнія о томъ священномъ мѣстѣ, на которомъ *снвно* было положено ей начало,—о горѣ Божіей Синаѣ, особенно о нынѣшнемъ состояніи ея.

Синайскій полуостровъ, та пустыня, въ которой въ теченіи 40 лѣтъ странствовалъ народъ Еврейскій,—представляетъ собою небольшую страну, имѣющую правильную форму треугольника, основаніе котораго (сѣверная часть) омывается Средиземнымъ моремъ, а восточную и западную сторону составляютъ рукава Чермнаго моря. Въ общемъ страна имѣетъ характеръ пустынной, бесплодной и мало-населенной мѣстности. Со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя громады порфировыхъ и гранитныхъ скалъ, и чѣмъ дальше подвигаешься съ сѣвера на югъ, тѣмъ онѣ становятся выше. Между горами змѣются глубокія уади (долины) съ тощей растительностію, почти безводныя. Голыя каменные скалы, богатыя желѣзомъ, мѣдью, бирюзой и разными минераллами,—окрашены всевозможными яркими цвѣтами: краснымъ, зеленымъ, синимъ, чернымъ и проч. Подъ изумительно-чистымъ небомъ, при необычайно яркомъ блескѣ южнаго солнца, эти скалы подавляютъ зрителя своимъ грознымъ величіемъ. Въ древности Египтяне добывали здѣсь бирюзу, мѣдь, желѣзо и проч. Хорошо сохранились здѣсь рудниковыя галлерей съ рель-

ефными изображеніями сценъ древне-египетской жизни и іероглифическими надписями, весьма цѣнными въ археологическомъ отношеніи; сохранились и остатки жилищъ рабочихъ, гдѣ находятъ даже каменные орудія производства. Въ настоящее время богатства Синая не разрабатываются. Вслѣдствіе безводія и бесплодности Синайскій полуостровъ слабо населенъ: на немъ обитаетъ не болѣе 4000 полудикихъ бедуиновъ, отдѣльные племена которыхъ часто враждуютъ между собой и далеко не безопасны для путешественниковъ по Синаю.

Пустынные дебри Синая съ первыхъ вѣковъ Христіанской эры начали заселяться христіанскими отшельниками. По свидѣтельству Діонисія Александрійскаго, въ первые вѣка множество Египетскихъ христіанъ скрывалось здѣсь во время гоненій. Тогда наполнились христіанами самыя дикія и неприступныя дебри Синая. Въ періодъ процвѣтанія иночества Синай сталъ излюбленнымъ убѣжищемъ отшельниковъ и мѣстомъ подвиговъ цѣлаго ряда знаменитыхъ старцевъ, — Іоанна Лѣствичника, Нила, Анастасія Синаита и др. Самымъ любимымъ мѣстомъ пребыванія отшельниковъ была собственно Библейская группа Синайскихъ горъ, дикихъ, мрачныхъ, изъ общаго массива которыхъ выдѣляются вершины Хорива, Горы Моисея, на которой вручены были ему Богомъ скрижали Завѣта, и Джебель-Катеринъ, которая представляетъ собою высочайшую точку всей горной группы. Въ VII вѣкѣ аравійскіе масульмане разрушили всѣ обители на Синайскомъ полуостровѣ. И теперь еще можно видѣть тамъ во многихъ мѣстахъ необитаемыя развалины прежнихъ монастырей. Уцѣлѣлъ только одинъ монастырь, обнесенный въ 527 году императоромъ Юстиніаномъ крѣпкими, неприступными стѣнами и расположенный, по непрерывному преданію, идущему съ первыхъ вѣковъ христіанства, на мѣстѣ явленія Моисею Неопалимой купины. Монастырь этотъ въ разныя времена назывался различно: «то монастыремъ Неопалимой Купины», «то монастыремъ Пресвятой Богородицы», которую прообразовала купина, «то монастыремъ Преображе-

нія» по главному его храму. Нынѣ же монастырь этотъ, по особенно почитаемымъ, находящимся въ немъ, мощамъ Св. Великомученицы Екатерины, называется «монастыремъ Св. Екатерины».

Знаменитый Синайскій монастырь Св. Великомученицы Екатерины, составлявшій во все время христіанства завѣтную цѣль православнаго паломничества,—особенно для русскихъ, находящійся нынѣ подъ особымъ покровительствомъ Россіи,—расположенъ въ видѣ неправильнаго четверугольника по сѣверо-западному склону Хорива, въ мрачномъ и узкомъ уади Эй-Дейръ. Онъ окруженъ массивными Юстиніановскими стѣнами, съ громадными гранитными контрфорсами снаружи, съ башнями и бойницами, такъ что по внѣшности имѣетъ видъ неприступной крѣпости. На гранитныхъ плитахъ стѣнъ изображены различные кресты восточныхъ и западныхъ образцовъ. На нѣкоторыхъ плитахъ, по сторонамъ креста, можно видѣть изображеніе волка на заднихъ лапахъ и колѣнопреклоненнаго агнца. Попастъ въ монастырь нелегко. Необходимо для этого имѣть охранное письмо отъ Синайскаго архіепископа, живущаго въ Каирѣ, или отъ генеральнаго консула. Письма эти кладутся въ корзину, которая спускается сверху, и только по прочтеніи ихъ впускаютъ въ монастырь или черезъ узкую желѣзную калитку воротъ, или поднимаютъ на верхъ въ корзину, если представляется опасность со стороны кочевниковъ,—бедуиновъ. Внутренность монастыря представляетъ собою цѣлый лабиринтъ построекъ, нагроможденныхъ безъ всякаго порядка; на каждомъ шагу встрѣчаются церкви. Всѣхъ церквей въ монастырѣ, кромѣ главнаго собора, 22. Постройки и церкви монастыря ветхи и несутъ на себѣ печать разрушенія.

Главную святыню монастыря, его наилучшее украшеніе представляетъ собою соборъ Преображенія, построенный на мѣстѣ Неопалимой Купины; это одно изъ древнѣйшихъ и досточтимѣйшихъ святилищъ христіанскаго міра. Монахи берегутъ его, какъ зеницу ока, и содержатъ въ замѣчательной

чистотѣ и порядкѣ. Соборъ этотъ, построенный Императоромъ Юстиніаномъ ¹⁾ въ 527 году, замѣчательно сохранился. Къ нему ведетъ широкая красивая лѣстница. Ворота храма поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, — они сплошь покрыты бронзой и финифтью тончайшей работы. Средній нефъ выше боковыхъ и поддерживается 12 колоннами по числу 12 Апостоловъ. На этихъ колоннахъ утверждены желѣзные, выпуклые кресты, которыми означаются мощи, заключенные въ этихъ колоннахъ. Дарохранительница съ преждеосвященными дарами находится не на престолѣ, а въ глубинѣ абсиды, въ особомъ мраморномъ сосудѣ, на манеръ древнѣйшихъ римскихъ церквей. Сюда полагаются Св. дары въ Великій Четвергъ и хранятся цѣлый годъ. Они преподаются только умирающимъ инокамъ. Мозаика абсиды представляетъ собою замѣчательнѣйшее произведение древне-христіанскаго искусства. Абсида занята изображеніемъ Преображенія Господня. Вокругъ иконы Преображенія идутъ медальоны съ изображеніемъ 12 Апостоловъ и 16 Пророковъ. Всѣ фигуры на золотомъ полѣ. Въ срединѣ свода абсиды изображена Неопалимая Купина. Кромѣ этого, въ соборѣ есть много и другихъ замѣчательныхъ вещей по своему изяществу и древности, къ которымъ необходимо отнести куполь надъ престоломъ главнаго алтаря, украшенный перламутромъ и черепахами, архіерейскій тронъ съ древнимъ видомъ монастыря, два бронзовыхъ льва, прекрасной древней работы, поддерживающихъ свѣтильникъ и др.

Главное сокровище собора составляютъ мощи Св. Великомученицы Екатерины, пострадавшей при Максиминѣ въ 237 г., тѣло которой чудесно было перенесено на гору Синай. Рака съ мощами Св. Великомученицы помѣщается въ южной сторонѣ храма. Въ бѣломраморномъ саркофагѣ находятся двѣ прекрасныя серебряныя, вызолоченныя мощехранительницы. Въ одной изъ нихъ заключается черепъ Св. Екатерины, а въ другой рука. Послѣ молебна передъ гробницей, мощи вынимаются

¹⁾ Это несомнѣнно доказывается надписью на балкѣ храма, открытой Эберсомъ.

изъ саркофага, полагаются на особый столъ между двумя свѣчами, и къ нимъ прикладываются поклонники. Послѣ этого имъ даютъ отъ мощей вату и серебряныя кольца съ именемъ Св. Екатерины. Эти предметы весьма цѣнятся паломниками, особенно русскими. Остальныя части Св. мощей Великомученицы уступлены разнымъ благотворителямъ и отосланы въ Россію.

Преображенскій соборъ служитъ какъ бы только предверіемъ другого, болѣе священнаго мѣста, составляющаго настоящее Святое Святыхъ Синая, куда допускаютъ не иначе, какъ съ босыми ногами,—это церковь Неопалимой Купины. Эта небольшая церковь, могущая вмѣстить не болѣе 20 чело-вѣкъ, находится за главнымъ алтаремъ собора Преображенія. Полъ въ ней покрытъ богатыми персидскими коврами, стѣны украшены цвѣтными изразцами. Престолъ расположенъ у стѣны, въ глубокомъ полукружїи, и стоитъ на самомъ мѣстѣ Купины. Онъ состоитъ изъ мраморной доски, утвержденной на двухъ столбикахъ; подъ ней висятъ три неугасимыя лампы, освѣщающія на мѣстѣ Купины серебряную пластинку, къ которой прикладываются поклонники. Надъ престоломъ находится небольшое отверстіе, чрезъ которое одинъ разъ въ годъ заходитъ сюда лучъ солнца изъ трещины въ сосѣдней горѣ.

Другую достопримѣчательность монастыря Св. Екатерины составляетъ Синайская библіотека, въ которой Тишендорфомъ былъ открытъ знаменитый Синайскій кодексъ Библии, хранящійся нынѣ въ Импер. Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ. Она состоитъ изъ многихъ манускриптовъ греческихъ, сирійскихъ, эіопскихъ, грузинскихъ, арабскихъ и халдейскихъ, большая часть которыхъ разработана археологами. Библіотека эта находится въ порядкѣ и составляетъ предметъ особенно бдительнаго наблюденія монаховъ.

При монастырѣ находится прекрасный фруктовый садъ, куда изъ монастыря ведетъ подземный ходъ изъ опасенія, чтобы не подвергнуться нападению бедуиновъ. Этотъ садъ обрабатывается съ особенною заботливостью и является настоящимъ

оазисомъ прекрасной зелени среди окружающихъ его бесплодныхъ гранитныхъ скалъ. Въ немъ въ изобиліи растутъ маслины, груши, персики, лимонныя деревья и виноградныя лозы. Среди сада находится монастырское кладбище съ церковью во имя Пр. Трифона. Тѣла умершихъ складываются въ небольшіе дворики передъ церковью, до времени отдѣленія тѣла отъ костей, и затѣмъ кости складываются въ подземелья, расположенныя по бокамъ церкви, гдѣ онѣ сортируются по такому порядку: черепа кладутся къ черепамъ, ребра къ ребрамъ и проч. Особо погребаются Епископы въ небольшихъ незапертыхъ гробницахъ. Поднявъ крышку, можно видѣть сложенный омофоръ и подъ нимъ кости. Въ одномъ изъ подземелій находится на тронѣ нетлѣнное тѣло съ митрой на головѣ и въ бѣломъ облаченіи. Это мощи Еп. Стефана, житіе котораго (540 г.) описано Іоанномъ Лѣствичникомъ.

Синайскій монастырь Св. Екатерины, по внутреннему устройству жизни иноковъ, является автокефальнымъ, неподчиненнымъ Александрійскому Патріарху. Монахи сами изъ своей среды избираютъ архіепископа, который постоянно живетъ въ Каирѣ и управляетъ монастыремъ чрезъ намѣстника,—архимандрита, и эконома,—завѣдующаго внѣшней хозяйственной частью. Средства для содержанія монастыря вполне достаточны. Они получаютъ отъ имѣній, находящихся въ Бессарабіи, на Критѣ и Капрѣ, и отъ добротныхъ даяній, особенно изъ Россіи, подъ покровительствомъ которой монастырь находится; тѣмъ не менѣе все въ монастырѣ: келіи, утварь, одежда, пища и все прочее носятъ печать простоты, крайней умѣренности и даже бѣдности. Умѣренность особенно соблюдается въ пищѣ. Монахи не пьютъ вина, не только сами не употребляютъ мяса, но и не допускаютъ его въ монастырь даже для поклонниковъ. Въ теченіи постовъ монахамъ не разрѣшается даже масло. Вообще все въ монастырѣ носитъ печать строгой жизни, уединенія и молчанія. «Мертва и пустыня показала мнѣ, пишетъ извѣстный нашъ путешественникъ по Востоку д—ръ Ели-

сѣвъ, Синайская обитель. Словно по вымершему, пустому зданію пробирался я со своимъ путеводителемъ. Всѣ его строенія казались мнѣ погребальными склепами или гробницами, въ которыхъ замуrowались живые люди»¹⁾). Служба начинается въ половинѣ 2-го часа по полуночи. Звонить начинаютъ въ деревянное било и потомъ уже въ колокола, возвѣщая о началѣ божественной службы. Въ часы, свободные отъ богослуженія, монахи не остаются праздными,—они должны все дѣлать сами. Для болѣе трудныхъ работъ и для транспорта на верблюдахъ за предѣлы монастыря служить особое арабское племя,—которое происходитъ отъ христіанскихъ рабовъ военно-плѣнныхъ, подаренныхъ монастырю Импер. Юстиніаномъ. Въ настоящее время оно обращено въ масульманство. Братіи въ Синайской обители немного: 6 іеромонаховъ, 4 іеродіакона, и 20 простыхъ иноковъ. Въ древнія времена число братіи Синайской обители доходило до 300 человекъ.

(Окончаніе будетъ).

Св. Василій Великій, какъ споспѣшникъ иноческой жизни.

(Окончаніе).

Во взаимныхъ отношеніяхъ между членами общины должно быть, по взгляду Св. Василія Великаго, уравненіе во всемъ,—и въ несеніи обязанностей и въ наградахъ за смиренномудріе, «ибо нарушеніе равенства, говоритъ онъ, вездѣ бываетъ въ унижаемыхъ началомъ и предлогомъ къ зависти и непріязни»²⁾). Наглядный образецъ стройности совмѣстной жизни Св. Василій Великій указываетъ въ организмѣ человека, гдѣ каждый членъ нуждается во всѣхъ и всѣ въ немъ³⁾). Связующимъ началомъ членовъ общества, по нему, должно быть чувство любви». «Надобно, пишетъ онъ, чтобы всѣ смотрѣли другъ на друга съ равномернымъ расположеніемъ и чтобы всѣмъ обществомъ

1) По бѣлу свѣту, т. 1 стр. 241—242.

2) Твор. Вас. Вел. т. V стр. 81.

3) Ibid., стр. 154—155.

владѣла одна мѣра любви.... Избытокъ расположенія къ одному лицу обличаетъ недостатокъ къ другимъ ¹⁾). Необходимыми качествами души подвижника Св. Василиій Великій признаетъ кротость и смиреніе ²⁾). «Подвижникъ, говоритъ онъ, долженъ, какъ можно болѣе, быть исполненъ кротости ³⁾), ибо кротость есть первая основа любви. «Кротость же есть мать и незлобія. Она же предполагаетъ и благодать. Все же это, взаимно срастворяемое и совокупаемое, производитъ и совершенствуется наилучшую изъ добродѣтелей—любовь» ⁴⁾). Заповѣдь о любви къ ближнимъ, по своему примѣненію, обнимаетъ не однихъ членовъ общества, но и всѣхъ людей. По важности своей, она—вторая послѣ заповѣди о любви къ Богу ⁵⁾). Кто любитъ ближняго, тотъ продолжаетъ свою любовь къ Богу; потому что милость къ ближнему Богъ приѣмлетъ за любовь къ Нему Самому ⁶⁾). Любовь къ ближнимъ, по ученію Св. Василиія Великаго, должна проявляться главнымъ образомъ въ благотворительности, поэтому онъ ставитъ эту добродѣтель для инока важнѣйшею цѣлію его занятій ручнымъ трудомъ. «Занимающійся рукодѣліемъ, говоритъ онъ, долженъ работать не для того только, чтобы издѣліемъ своимъ удовлетворить своимъ потребностямъ, но и для того, чтобы исполнить заповѣдь Господа, сказавшаго: *взлѣжахся, и дасте Ми ясти* и пр. (Мф. 25, 35)... Посему, каждый въ дѣлѣ своемъ долженъ поставлять цѣлію вспоможеніе нуждающимся, а не собственную только потребность» ⁷⁾). Отсюда, несовершенство одиночной монашеской жизни Василиій Великій видитъ въ томъ, что при этой жизни остается неисполненною самая важная и наиболѣе способствующая ко спасенію заповѣдь, а именно: *алчущій не накормленъ,*

¹⁾ Ibid., стр. 75, свес. стр. 459, стр. 80.

²⁾ Ibid., стр. 62, свес. 61...

³⁾ Твор. Вас. Вел. V т. стр. 421.

⁴⁾ Ibid., стр. 422.

⁵⁾ Ibid., стр. 98.

⁶⁾ Твор. Вас. Вел. V т. стр. 105—106.

⁷⁾ Ibid., стр. 177—178.

нагой не одѣтъ ¹⁾). Для всѣхъ, даже чисто внѣшнихъ условій монашеской жизни Св. Василій Великій указываетъ необходимость нравственнаго принципа,—такъ, и въ выборѣ одеждъ или обуви, и при занятіи мѣста за трапезой, и въ исполненіи требованія—не садиться въ присутствіи старшихъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни онъ убѣждаетъ соблюдать и обнаруживать смиренномудріе.

Несомнѣнно, монашескій образъ жизни требуетъ многихъ и трудныхъ подвиговъ отъ воина Христова, и многіе падаютъ подъ бременемъ подвижничества; поэтому Св. Василій Великій совѣтуетъ всякому, приступающему къ крестоносной жизни тщательно испытать себя, свои духовныя силы. «Прошу, говоритъ онъ, не дѣлай сего безъ испытанія, не воображай монашеской жизни удобосносной и не ожидай спасенія безъ борьбы, а лучше напередъ упражняйся въ терпѣніи среди разныхъ скорбей тѣлесныхъ и душевныхъ, чтобы потомъ, встрѣтившись съ испытаніями и трудною борьбою, не устремиться со стыдомъ и посмѣяніемъ опять къ тому, отъ чего бѣжалъ, на соблазнъ для многихъ ²⁾).

Такимъ образомъ, монашескій уставъ Св. Василія Великаго, какъ предлагающій главнымъ образомъ общіе принципы, а не формы подвижничества, передающій внутренній духъ его, а не одни внѣшнія обнаруженія, не приуроченный къ опредѣленнымъ условіямъ мѣста и времени, удовлетворяетъ потребностямъ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ направленій монашеской жизни: имъ можетъ руководиться и одинокій отшельникъ и цѣлый общежительный монастырь. Правда, онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, общежитіе; но въ изображеніи самыхъ устоевъ этой жизни каждый, несомнѣнно, найдетъ, удовлетвореніе своимъ насущнымъ запросамъ, разрѣшеніе важнѣйшихъ монашескихъ недоумѣній и указаніе руководительныхъ началъ. Здѣсь и созерцательная сторона монашеской жизни и нрав-

¹⁾ Твор. Вас. Вел. V т., стр. 115; снес. стр. 381 и 65.

²⁾ Твор. Вас. Вел. V т., стр. 45—46.

ственно-практическая развиты гармонически—стройно и последовательно. На такое достоинство устава Св. Василия Великаго указывает Григорій Богословъ. Въ своемъ похвальномъ словѣ Св. Василию онъ говоритъ: «много было споровъ и разногласій о жизни пустынноческой и уединенно-общежительной. Безъ сомнѣнія та и другая имѣетъ въ себѣ и доброе и худое. Первая болѣе безмолвна и удобна для богомыслия, а вторая болѣе дѣятельна и полезна. Но Св. Василий превосходнѣйшимъ образомъ соединилъ сіи два рода жизни, онъ построилъ скиты и монастыри, и не отдѣлилъ однихъ отъ другихъ, какъ бы нѣкоторою стѣною, и не разлучилъ, но вмѣстѣ: и привелъ ихъ въ ближайшее соприкосновеніе и разграничилъ, чтобы и любомудріе не было необщительнымъ, и дѣятельность не была нелюбомудренною; но какъ море и суша дѣлятся между собою своими дарами, такъ и они должны совокупно дѣйствовать къ единой славѣ Божіей» ¹⁾. Такой характеръ устава Св. Василия Великаго объясняется тѣмъ, что составитель его имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, личность инока. Въ немъ онъ старался развить не внѣшнія обнаруженія религіозной жизни, а внутреннюю религіозную настроенность.

Св. Василий Великій споспѣшествовалъ развитію монашества не словомъ только, но и привлекательнымъ примѣромъ своей жизни, а также нагляднымъ примѣненіемъ своихъ высокихъ теоретическихъ воззрѣній—на строй и характеръ подвижнической жизни—въ основанныхъ имъ обителяхъ Понта и другихъ мѣстъ. Св. Григорій Богословъ выражаетъ по этому поводу такого рода общее замѣчаніе о Св. Василиѣ Великомъ: «поелику дѣло безъ слова и слово безъ исполненія, равно не совершенны; то онъ, т. е. Василий Великій, присовокупляетъ къ слову и содѣйствіе самыхъ дѣлъ» ²⁾. Дѣйствительно, вся жизнь Св. Василия Великаго была воплощеніемъ его глубокихъ

¹⁾ Твор. Григ. Бог. ч. IV, сл. 43, стр. 119; жизнь и труды Св. о.о. уч. ц. Ф. В. Фаррара. стр. 462.

²⁾ Твор. Вас. Вел. стр. 99.

убѣжденій, его идеаловъ. Преданный всѣмъ своимъ существомъ идеѣ аскетизма, онъ воплощалъ ее въ каждый моментъ своей жизни. Мысль и желаніе его души не шли въ разрѣзъ съ образомъ жизни. Все изложенное въ назиданіе другимъ онъ старался прежде всего осуществить самъ. Св. Григорій Нисскій указываетъ въ немъ необыкновенную ревность по вѣрѣ, строгое негодованіе противъ отступавшихъ отъ ней, пламенную любовь къ Богу, стремленіе къ Истинно-Сущему, не уклонявшееся ни къ чему земному, жизнь во всемъ испытанную, образъ жизни суровый, взоръ соотвѣтствовавшій настроенію души, важность безыскусственную, молчаніе болѣе дѣйственное, чѣмъ слово, заботы о будущемъ ¹⁾ и т. д. Что было когда у Василия, спрашиваетъ Григорій Богословъ, кромѣ покрововъ для плоти? Его богатство—ничего у себя не имѣть и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. Онъ старался быть, а не казаться только совершеннымъ.... Онъ безъ тщеславія былъ убогъ и не стяжательнъ. Достойны удивленія его воздержаніе и довольство малымъ: у Василия одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза; а сонъ на голой землѣ; бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе; самою вкусною снѣдію служили ему хлѣбъ и соль ²⁾. Стараясь возгрѣвать въ сердцахъ руководимыхъ любовь къ ближнему, особенно же къ меньшимъ братьямъ Христовымъ, онъ самъ былъ весь проникнутъ этимъ чувствомъ, обнаруживая его въ дѣлахъ благотворительности. «Прекрасны челоуѣколюбіе, пишетъ другъ его, питаніе нищихъ, вспомошествованіе челоуѣческой немощи». Чтобы убѣдиться въ томъ, что душа Василия была полна всѣхъ таковыхъ расположеній,—стоитъ только взглянуть на то мѣсто, гдѣ построены были имъ прекрасный страннопріимный домъ для тяжело больныхъ и ничего не имущихъ. Всѣмъ предстоятелямъ народа онъ предложилъ общій подвигъ—челоуѣколюбіе и великодушіе

¹⁾ Твор. Григ. Нисск. VIII ч. стр. 313, похв. сл.

²⁾ Твор. Григ. Бог. IV ч. стр. 116—117, сл. 43.; см. Григ. Нис. ч. VIII, стр. 310, 322—323.

къ несчастнымъ ¹⁾). Иное изъ совершенствъ самъ онъ изобрѣлъ, въ другомъ подражалъ, а въ иномъ превзошелъ, и тѣмъ, что преуспѣвалъ во всемъ, сталъ выше всѣхъ извѣстныхъ нынѣ ²⁾).

Такой величественно-прекрасный образецъ истинно-подвижнической жизни не могъ не производить обаянія на окружающихъ. Искреннее и глубокое религіозное воодушевление всегда содержитъ что-то влекущее къ себѣ и размягчающее даже порочныя сердца. Если, по отзыву Григорія Богослова, ставилось въ великую честь, когда кому случалось или близкимъ быть къ Василию, или прислуживать ему, или запомнить что-либо имъ сказанное, ³⁾ то какимъ счастьемъ считалось быть подражателемъ его жизни? Если старались усердно подражать внѣшнему образу поведенія Св. Василия ⁴⁾, то какъ не допустить мысли объ увлеченіи внутреннимъ духовнымъ настроеніемъ его и стремленіемъ провести это настроеніе въ свою жизнь? Григорій Богословъ, наблюдавшій такое вліяніе жизни Св. Василия на окружающихъ его, говоритъ: «предлагаю будущимъ временамъ общую картину добродѣтели Василия для всѣхъ церквей и душъ начертаніе спасенія, на которое взирая, какъ на одушевленный законъ, можемъ устроить жизнь ⁵⁾». Возможность гармоническаго сочетанія своихъ монашескихъ взглядовъ съ жизнью и дѣйствительностью Св. Василій Великій доказываетъ наглядно, именно устройствомъ, по своей теоріи монашества, многихъ подвижническихъ общинъ ⁶⁾). Первая изъ нихъ, послужившая, вѣроятно, образцомъ для другихъ, была основана въ Понтѣ, не вдалекѣ отъ Неокесаріи и Чернаго моря, на берегу рѣки Ириса ⁷⁾). Предъ этимъ, по свидѣтельству церковнаго историка, Созомена, онъ ходилъ по городамъ

1) Твор. Григ. Бог. ч. IV., сл. 43, стр. 119—121; снес. *ibid.*, стр. 90—92.

2) *Ibid.*, стр. 135.

3) Твор. Григ. Богос. ч. IV, сл. 43, стр. 135.

4) *Ibid.*, стр. 135.

5) *Ibid.*, стр. 138.

6) Цер. Ист. Созом., изд. 1851 г. С.П.Б. стр. 410., гл. 17 кн. 6.

7) Твор. Вас. Вел. т. VI стр. 50.

понтійскимъ и, уча народъ, убѣждалъ его мыслить одинаково съ собою ¹). Лица, увлеченныя проповѣдію о высокомъ аскетизмѣ, и были, вѣроятно, первыми членами понтійскаго обществія. Поселившись съ ними въ уединенномъ мѣстѣ, окруженномъ горами, онъ всѣми силами души старался воспитать своихъ соподвижниковъ на тѣхъ началахъ, которыя выработалъ въ своей душѣ многоразличными путями. Какими результатами сопровождалось усилія великаго руководителя, можно видѣть изъ письма къ нему Григорія Богослова, который, навѣстивъ друга, лично познакомился съ порядками и внутреннимъ характеромъ жизни въ Понтійской общинѣ. Вспоминая пережитое во время этого посѣщенія, Св. Григорій говоритъ: «Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія; бдѣнія и молитвенныя къ Богу переселенія? Кто дастъ согласіе и единокровіе братій, которыхъ ты ведешь? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ трудолюбіе въ чтеніи Божіихъ словесъ и, при путеводительствѣ Духа, обрѣтаемый въ нихъ свѣтъ? Кто дастъ, скажу о самомъ маломъ и незначительномъ, — поденныя и ручныя работы, — переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе, поливаніе? ²).

Сами монахи, подвизавшіеся подъ наблюденіемъ Василія Великаго, питали къ нему глубоко-искреннее сердечное расположеніе за его мудрое руководство и отечески-теплыя отношенія. Свидѣтельство объ этомъ находимъ въ одномъ изъ его собственныхъ писемъ. — «Неоднократно дивился я, пишетъ Святитель къ инокамъ, что у васъ за расположеніе ко мнѣ, и отъ чего такую силу имѣетъ надъ вами моя малость, которая развѣ не много чего-нибудь стоитъ, ... а между тѣмъ вы обращаете ко мнѣ слово, напоминая и дружбу и отечество, пытаясь отеческимъ сердоболіемъ снова обратить къ себѣ, какъ будто какого бѣглеца» ³).

¹) Пер. Ист. Соз. *ibid*

²) Твор. Григ. Бог. ч. IV, стр. 103, письмо 5-е.

³) Твор. Вас. Вел. ч. VI, стр. 25, письмо 8-е.

Фактическимъ доказательствомъ цѣнности и общепримѣнительности устава Св. Василія Великаго служитъ употребленіе его въ монастыряхъ и до нашего времени. Изъ Капподокійской церкви, въ которой Св. Василій Великій былъ предстоятелемъ, монашескія правила его распространились по всѣмъ обителямъ православнаго востока.—Св. гора Аѳонъ и монастырь Студитовъ въ Константинополѣ строго сохраняютъ иноческій уставъ Вселенскаго Учителя. То-же самое должно сказать и о нашихъ отечественныхъ монастыряхъ.

Итакъ, Св. Василій Великій, какъ поборникъ православія, какъ пастырь, какъ учитель, великъ и какъ споспѣшникъ истиннаго монашества, глубоко уясненнаго имъ.

Н. Мальцевъ.

Празднованіе во Владимірской Духовной Семинаріи по случаю столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина.

День столѣтней годовщины со дня рожденія великаго поэта, А. С. Пушкина, былъ рѣдкимъ днемъ необыкновеннаго чествованія его памяти почти по всему лицу земли русской. Особенною торжественностію отличалось чествованіе памяти великаго поэта, какъ и слѣдовало ожидать, въ нашихъ столицахъ и большихъ городахъ съ ихъ многочисленными просвѣтительными учрежденіями, учено-литературными обществами, художественными кружками и разными учебными заведеніями. Въ этихъ городахъ, какъ богатыхъ и многолюдныхъ центрахъ просвѣщенія,—въ память великаго поэта, послѣ церковнаго поминовенія его, читались на торжественныхъ засѣданіяхъ ученые рефераты, произносились воодушевленные рѣчи, устраивались литературныя и музыкально-вокальныя собранія, назначались стипендіи имени поэта для учащихся, учреждались бібліотеки и читальни, открывались столовыя и богадѣльни для бѣдныхъ, раздавались произведенія поэта школьникамъ и народу въ цѣломъ составѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ.

По мѣрѣ своихъ интеллигентныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, не отставали отъ первостепенныхъ городовъ и второстепенные въ чествованіи памяти великаго поэта земли русской, — и здѣсь, по совершеніи панихидъ о вѣчномъ упокоеніи поэта, составлялись подъ руководствомъ или мѣстной городской администраціи, или начальниковъ учебныхъ заведеній, или ученыхъ кружковъ, гдѣ таковыя были, — общественныя собранія, на которыхъ произносились рѣчи, читались отрывки изъ лучшихъ произведеній поэта, исполнялись хорами пѣвчихъ и оркестровъ музыкальныя пьесы и раздавались, гдѣ представлялась возможность, портреты поэта и разныя брошюры, состоявшія или изъ произведеній самого поэта, или изъ статей, посвященныхъ его памяти. Въ общихъ чертахъ изъ такихъ же элементовъ слагалось чествованіе памяти А. С. Пушкина и въ нашемъ Владимірѣ. Наибольшею торжественностію своей обстановки и численностію своихъ участниковъ здѣсь отличались два одновременныхъ празднества: одно, организованное въ залѣ Дворянскаго собранія трудами мѣстной Ученой Архивной Коммисіи, а другое, устроенное въ стѣнахъ Владимірской Духовной Семинаріи заботами ея ближайшаго Начальства.

По своему многолюдному составу, Владимірская Духовная Семинарія, не стѣняя себя и другихъ, не могла соединиться съ какою либо другою корпораціею для совмѣстнаго чествованія памяти великаго поэта, а потому, по благословенію своего Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, отпраздновала столѣтнюю годовщину поэта въ тѣсномъ кружкѣ своихъ начальниковъ, преподавателей, воспитателей и учащихся съ присоединеніемъ немногихъ почетныхъ гостей, семействъ преподавателей и воспитателей, ихъ ближнихъ родныхъ и знакомыхъ.

По окончаніи праздничной Божественной литургіи въ Семинарской Богородицкой церкви, первымъ почтилъ память поэта своею рѣчью о. Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Евгеній.

Непосредственно за рѣчью слѣдовала торжественная панихида о поэтѣ, въ которой, кромѣ о. Ректора, приняли участіе: о. Инспекторъ Семинаріи, іеромонахъ Θεодосій, преподаватель Семинаріи, священ. о. В. Орловъ, о. Духовникъ Семинаріи и о. экономъ Семинаріи. По окончаніи панихиды, въ ожиданіи начала праздника въ актовомъ Семинарскомъ залѣ,—былъ небольшой перерывъ.

Въ двѣнадцать часовъ дня, по прибытіи о. Ректора Семинаріи съ корпораціею въ актовое зало,—хоромъ воспитанниковъ Семинаріи пропѣта была трижды пасхальная пѣснь: *Христосъ воскресъ*; на кафедре взошелъ преподаватель Семинаріи А. Θ. Скворцовъ и произнесъ предъ собраніемъ обширную рѣчь о *значеніи А. С. Пушкина въ исторіи развитія русской литературы*. Предлагаемъ эту рѣчь въ подлинникъ для нашихъ читателей, интересующихся судьбами отечественнаго художественнаго слова.

А. С. Пушкинъ, 100-лѣтнюю годовщину рожденія котораго нынѣшній день вся грамотная Россія празднуетъ, не болѣе, какъ за годъ до своей смерти (въ 1836 г.), сказалъ о себѣ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;

Къ нему не заростетъ народная тропа...

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой;

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ;

И гордый звукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій

Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И это не было пустою гордостью и самохвальствомъ. На долю этого гениальнаго человѣка выпало еще при жизни увидѣть восторженное преклоненіе предъ своими произведеніями. Начиная съ поступленія въ лицей, съ 11-тилѣтнаго возраста, онъ уже является предметомъ горячихъ похвалъ,—сначала отъ своихъ товарищей—лицеистовъ, а вскорѣ и отъ общества во главѣ съ его первоблассными тогдашними писателями: Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ. Державинъ, когда

Пушкинъ былъ въ среднемъ отдѣленіи лица и прочиталъ на экзаменѣ свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, былъ въ восхищеніи и хотѣлъ обнять юнаго поэта. Жуковскій, читая въ кругу своихъ друзей тѣже „Воспоминанія“, восклицалъ: „вотъ у насъ настоящій поэтъ!“ А затѣмъ, въ томъ же году лично познакомившись съ Пушкинымъ, до такой степени былъ пораженъ и увлеченъ его гениемъ, что ему, пятнадцатилѣтнему мальчику, сидѣвшему на школьной скамьѣ, нарочно читалъ свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, то Жуковскій считалъ такіе стихи слабыми и уничтожалъ ихъ или передѣлывалъ. И это было во время самой громкой славы Жуковского, когда самъ онъ достигъ полного развитія своего таланта. Нѣсколько позже, когда Пушкинъ на вечерѣ у Жуковского прочиталъ свое первое большое произведеніе, — поэму „Русланъ и Людмила“, то Жуковскій тутъ же подарилъ Пушкину свой портретъ, украсивъ его надписью: „Ученику отъ побѣжденнаго учителя“. (Биографія Пушкина при собр. его сочин. подъ ред. Скабичевского).

Такимъ образомъ Пушкинъ почти вовсе не былъ на положеніи начинающаго писателя, но уже за первыя свои, почти дѣтскія, произведенія лучшими и наиболѣе авторитетными людьми того времени признанъ былъ выдающимся талантомъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе росла эта слава. Въ 20-тыхъ и 30-тыхъ годахъ не было грамотнаго чловѣка, который бы не восхищался и не зачитывался Пушкинымъ. Тогда, по словамъ Гоголя, „всѣ армейскіе и штатскіе считали своею обязанностью проговорить и исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ“.

Неожиданная и трагическая смерть Пушкина глубоко потрясла и взволновала русское общество. Всѣ прежнія симпатіи къ великому поэту пробудились съ новой и еще большей, до того времени не виданной у насъ силой. Улица предъ домомъ поэта была сплошь занята народомъ; толпы людей разнаго званія, даже люди

безграмотные, кинулись отдать послѣдній долгъ и поклониться праху того, кто въ теченіи многихъ лѣтъ будилъ умы и сердца къ сознательной человѣческой жизни, кто былъ „властителемъ думъ“ и чувствъ цѣлаго поколѣнія. Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвела преждевременная и неожиданная смерть Пушкина на тогдашнюю интеллигентную молодежь. Вотъ что разсказывалъ потомъ по этому поводу Гончаровъ, впоследствии авторъ знаменитыхъ романовъ „Обломовъ“ и „Обрывъ“: „Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все,—все ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, все гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній, все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, переводчикомъ, въ департаментѣ вишней торговли. Работы было не много, и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всею господствовалъ онъ. И въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его больше нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ и горько, горячо, не владея собою, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска пожесть рѣзала сердце, и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я преклонялъ мысленно колѣна, — лежалъ бездыханный... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это не вѣрно: по смерти матери, да матери“... (Русская Старина 1899 г. Май).

Такъ, въ теченіе всей недолгой жизни, Пушкинъ, начиная съ перваго же вступленія на литературное поприще, какъ писа-

тель, неизмѣнно пользовался громкою извѣстностью и горячими симпатіями общества. Сопровождаемый еще большими симпатіями и вмѣстѣ глубокой грустью, онъ отошелъ и на вѣчный покой.

Здѣсь мы должны оговориться, что не смотря на широкую распространенность произведеній Пушкина, не смотря на то, что весьма многія изъ нихъ не только читались и перечитывались, но и заучивались наизусть, Пушкинъ при жизни не былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Настоящей критики въ то время у насъ еще не существовало, и преклоненіе предъ Пушкинымъ было скорѣе бессознательное. Красота его произведеній неволью всѣхъ увлекала, и всѣ скорѣе чувствовали, чѣмъ понимали, что такого поэта у насъ еще не было, что Пушкинъ своимъ талантомъ значительно превосходить рѣшительно всѣхъ, кто только извѣстенъ былъ до этого времени, что онъ создаетъ что-то новое, ранѣе его не слыханное. Когда появилась поэма „Русланъ и Людмила“, то даже Жуковскій и Батюшковъ, — сами, какъ извѣстно даровитые писатели, — настолько поражены были новизною и оригинальностью этой поэмы, что не могли придти ни къ какому опредѣленному выводу относительно ея достоинствъ и только признавали ее произведеніемъ большого и сильнаго таланта. (Историч. Вѣстн. 1896 г. Май, статья Полевого „Нашъ великій поэтъ“, стр. 467—468). — Особенно характерно такое явленіе: какъ разъ тогда, когда талантъ Пушкина вполне развился и окрѣпъ, когда онъ писалъ о себѣ: „Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить“, именно въ это-то время ему съ огорченіемъ приходилось наблюдать обидное равнодушіе къ себѣ и непониманіе своихъ лучшихъ произведеній въ литературныхъ сферахъ.

Правильная критическая оцѣнка Пушкина началась только уже послѣ его смерти и была выполнена лучшимъ нашимъ критикомъ — Бѣлинскимъ, скончавшимся, по случайному совпаденію обстоятельствъ, 26 мая, т. е. въ день рожденія Пушкина. Глубокія и блестящія истолкованія произведеній Пушкина, какъ по-

эта-художника по преимуществу, сдѣланныя Бѣлинскимъ въ его знаменитыхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1843—1846 г. и до сего времени остающихся лучшими изъ всего, что писано объ этомъ поэтѣ, еще больше способствовали славѣ и популярности произведеній Пушкина, такъ что увлеченіе ими со стороны общества не ослабѣвало до 60-тыхъ годовъ.

Въ 60-тыхъ годахъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ реформъ, во главѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, въ основѣ измѣняли слагавшійся столѣтіями строй русской жизни, и какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда у того или другого народа начинается зарождаться и слагаться новая жизнь и происходитъ ломка старой жизни и старыхъ понятій,—у насъ явился тогда цѣлый рядъ самыхъ жгучихъ жизненныхъ вопросовъ, которые и приковали къ себѣ все вниманіе общества. „Не до поэзіи, не до художества стало тогда,—скажемъ словами Тургенева. Одинаково восхищаться „Мертвыми душами“ и „Мѣднымъ всадникомъ“ или „Египетскими ночами“ могли только записные словесники, мимо которыхъ побѣжали сильныя, хотя и мутныя волны той новой жизни. Міросозерцаніе Пушкина показалось узкимъ, его горячее сочувствіе нашей, иногда официальной, славы—устарѣлымъ, его классическое чувство мѣры и гармоніи—холоднымъ анахронизмомъ... Поэтъ-эхо, по выраженію Пушкина, поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготеющій, положительный, какъ жизнь на покое,—смѣнился поэтомъ-глашатаемъ, центробѣжнымъ, тяготеющимъ къ другимъ, отрицательнымъ, какъ жизнь въ движеніи“.—Сообразно съ такимъ ходомъ русской жизни обществу теперь нужны были не такіе поэты, которые бы, какъ Пушкинъ, изображали предметы и явленія по преимуществу съ ихъ художественной и идеальной стороны, а такіе,—которые бы выставляли на видъ и осмѣивали общественные пороки и недостатки, поэты „мести и печали“, какъ одинъ изъ нихъ выразился о себѣ. „Поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный,—по сло-

вамъ одного изъ самыхъ крайнихъ, но и самыхъ типичныхъ критиковъ этого времени, — непременно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святою и великою ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этою ненавистью, составляетъ и непременно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священнѣйшій смыслъ всего его существованія и всей его дѣятельности. „Я пишу не чернилами, какъ другіе, говоритъ Берне; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ“. Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки“ (Писаревъ, ст. „Нерѣшенный вопросъ“ или „Реалисты“).

Послѣ сказаннаго становится естественнымъ, что съ конца 50-тыхъ и особенно въ 60-тыхъ годахъ русское общество охладѣло къ Пушкину. Бѣлинскаго теперь не было въ живыхъ, да и его блестящія статьи раскрывали только одну эстетическую сторону поэзіи Пушкина, — ихъ необыкновенную художественность, но не коснулись общественнаго значенія. На смѣну Бѣлинскому теперь явились такіе критики, которые мало цѣнили поэзію и поэтому поставили своею цѣлью развѣнчать Пушкина, при чемъ самый крайній изъ нихъ и въ тоже время наиболѣе даровитый (Писаревъ) договорился до полнаго отрицанія значенія поэзіи, до извѣстнаго абсурда о большей пользѣ сапогъ сравнительно съ поэтическими произведеніями.

Послѣ того, какъ прошла первая горячка реформъ и общество нѣсколько освоилось съ новымъ строемъ жизни, началось болѣе спокойное и разумное отношеніе къ прошлому, а вмѣстѣ съ этимъ опять начали возражаться симпатіи къ Пушкину и стала увеличиваться его слава, — тѣмъ болѣе, что статьи 60-тыхъ

годовъ противъ Пушкина, въ силу своей крайней тенденціозности, не только не оставили послѣ себя глубокаго слѣда, но даже и при своемъ появленіи успѣли вызвать сочувствіе только въ наиболѣе юныхъ читателейхъ.

Къ началу 80-тыхъ годовъ Пушкинъ по прежнему сдѣлался любимымъ поэтомъ, гордостью и славой русскаго народа. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ 6 іюня 1880 года было такимъ общественнымъ праздникомъ въ честь поэта, какого ранѣе никогда еще не бывало на Руси. На этотъ праздникъ съѣхался цвѣтъ нашей интеллигенціи, вся слава и гордость русской литературы. Вотъ какъ недавно одинъ изъ участниковъ этого замѣчательнаго торжества, по личнымъ воспоминаніямъ, описалъ собраніе, устроенное тогда въ честь Пушкина Обществомъ любителей російской словесности: „Тутъ сидѣли: коренастый, широкоплечій, богатыря собою напоминавшій, Аксаковъ, цвѣтущій и въ старости бодростью и мощью своего пламеннаго темперамента, — коренной русакъ московской складки, съ свѣтлыми, пронизательными и тонкими глазами въ золотыхъ очкахъ, великолѣпный трибунъ, увѣренный и въ своемъ талантѣ, и въ своей популярности; нѣсколько согбенный, развинченный докучливыми нервными недомоганіями, Тургеневъ, съ лицомъ усталымъ, но съ взглядомъ выразительнымъ и яркимъ, полнымъ оживленія и любви, радости и торжества... Тутъ же можно было видѣть очень тучнаго, страдавшаго одышкой, на видъ осунувшагося и вялаго Писемскаго;... худого, пергаментно-желтаго, скорченнаго болѣзнью Достоевскаго; впалыя щеки горѣли у него лихорадочнымъ румянцемъ, губы были сухія, потрескавшіяся, глаза, впалые и тусклые, глядѣли, какъ-будто никого и ничего не замѣчая, куда-то вдаль, вглубь отвлеченной мысли и испытующаго страдательнаго чувства; лицо у Достоевскаго было неподвижное, суровое и серьезное, — лицо аскета или покойника. Тутъ же сидѣли благодушный и благожелательный, всѣми довольный Островскій; молчаливый

Майковъ, съ широко по близорукости открытыми и вперенными глазами; старый романтикъ и въ позахъ, и въ движеніяхъ, и декламациі Яковъ Полонскій; величественно красивый, съ типичною наружностью длиннокудраго поэта Плещеевъ, профессоръ Тихонравовъ и др. Никому изъ нихъ не суждено было дожить до нынѣшняго Пушкинскаго юбилея. Раньше другихъ скончались Достоевскій (въ 1881 г.), Писемскій (1881 г.) и Тургеневъ (1883 г.); послѣдними сошли въ могилу Майковъ и Полонскій“ (Буква. Русск. Вѣд. 1899 г. 19 мая № 136). — На этомъ праздникѣ произнесенъ былъ цѣлый рядъ талантливыхъ рѣчей, въ которыхъ съ рѣдкою сердечностью и единомудріемъ указывалось на важное значеніе для насъ Пушкина и разъяснялись характерныя особенности его поэзіи и его благородная личность.

Нынѣшній день, чрезъ 19 почти лѣтъ послѣ этого праздника, по случаю столѣтней годовщины рожденія поэта устраивается еще болѣе грандіозный праздникъ. Теперь уже не одна интеллигенція, а всѣ грамотные люди, не въ одной Москвѣ, а по всей необъятной Россіи,—и не только въ городахъ, но даже въ мѣстечкахъ и селахъ, всюду устраиваются торжества въ честь великаго поэта—съ чтеніемъ его произведеній, съ пѣніемъ стиховъ и съ произнесеніемъ рѣчей въ честь его. И что особенно важно, въ память нашего великаго поэта повсюду открываются новыя народныя школы, читальни, библіотеки; на нынѣшнемъ праздникѣ подростающему поколѣнію будутъ розданы милліоны портретовъ и сочиненій Пушкина, и такимъ образомъ въ нынѣшній день буквально исполнятся на поэтѣ его стихи:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой;

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ...

Мы прослѣдили отношеніе русскаго общества къ Пушкину, какъ поэту, вплоть до нынѣшняго дня и видѣли, что за весь этотъ длинный періодъ времени, обнимающій болѣе 80 л., только

въ 60-тыхъ годахъ было охлажденіе къ нему. Во все же остальное время онъ неизмѣнно пользовался любовью русскаго общества, слава его не только не уменьшалась съ годами, но все возрастала и возрастала.—Что же особеннаго сдѣлалъ поэтъ, каковы его заслуги предъ русскимъ обществомъ и литературой?—Чтобы указать и раскрыть во всей полнотѣ значеніе для насъ Пушкина, на это потребуется много времени. Поэтому ограничусь выясненіемъ предъ вами только того, что особенно важнаго сдѣлалъ онъ для развитія нашей художественной литературы. Для этого мы должны обратиться къ тому времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ.

Пушкину пришлось начать свою литературную дѣятельность въ то время, когда у насъ не было своей, самостоятельной литературы, а была только литература подражательная,—перенивавшая отъ западной Европы вмѣстѣ съ формами и разныя исторически сложившіяся тамъ направленія, но неизмѣнныя въ нашей жизни корни. У насъ тогда еще былъ силенъ, такъ называемый, ложный классицизмъ съ его типическими формами: торжественною одою, эпическою поэмою, пасторальями и героическою трагедіею, съ его крайне условными правилами относительно построенія этихъ произведеній и ихъ слога. Подъ вліяніемъ теоріи ложноклассической тогда у насъ проповѣдывалась самая беззащѣтная риторика и не столько заботились о содержаніи, сколько о соблюденіи условныхъ правилъ. Подъ вліяніемъ этой теоріи въ то время выработался особый взглядъ и на поэтическое творчество. Поэзія тогда считалась, по выраженію Державина, „любезной, пріятной, сладостной, полезной, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“, т.-е. считалась не серьезнымъ и важнымъ дѣломъ, а забавою празднаго ума, которой можно удѣлять только досуги отъ служебныхъ обязанностей. Въ уровень съ такимъ пониманіемъ стояла и самая поэзія. Въ ней нечего было искать художественнаго, истинно-поэтическаго изображенія дѣйствительной жизни съ ея

жгучими запросами, съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Нѣкоторые проблески истинной поэзіи можно было видѣть только у такихъ сильныхъ талантовъ, какъ Ломоносовъ и Державинъ, но и у нихъ они тонули въ цѣломъ морѣ холодной и напыщенной риторики. Дѣйствительная жизнь если гдѣ и изображалась, такъ это въ сатирахъ и комедіяхъ; но такихъ произведеній, во 1-хъ, было у насъ немного, а во 2-хъ, и въ этихъ немногихъ произведеніяхъ изображались только отрицательныя явленія жизни—недостатки. Все же остальное, что явилось подъ вліяніемъ ложнаго классицизма у насъ, была та крайне искусственная, пустая и наемная поэзія, производство которой и у насъ, и въ западной Европѣ возлагалось, какъ обязанность, за извѣтную плату, при дворахъ—на искуснѣйшихъ въ „словесныхъ наукахъ“ профессоровъ, а у богатыхъ дворянъ—на домашнихъ учителей, и тѣ, по выраженію Ломоносова, „дѣлали стихи“ на разные торжественные случаи: дни рожденія, бракосочетанія, похоронъ, открытіе памятниковъ, празднованіе побѣдъ и пр. Согласно правиламъ теоріи въ стихахъ этихъ тощій сюжетъ украшался всевозможными тропами и фигурами, обширными сравненіями и картинами, взятыми на прокатъ изъ классической міѳологіи, искусственными восторгами и холоднымъ, придуманнымъ пафосомъ.—Такъ „піндарила“, по выраженію Дмитріева, масса поэтовъ. (Киричниковъ, Очерки по исторіи новой р. литер. стр. 126—127).

Ко времени Пушкина къ намъ въ литературу проникали изъ западно-европейской же литературы еще два особыхъ направленія: сантиментальное во главѣ съ Карамзинимъ и романтическое, самымъ виднымъ представителемъ котораго у насъ былъ Жуковскій. Главная заслуга того и другаго направленія заключалась въ томъ, что они содѣйствовали до нѣкоторой степени разрушенію до сего времени считавшихся непререкаемыми правилъ хорошаго стиля и установленныхъ формъ ложнаго классицизма, что они первыя попытались низвести вымыселъ изъ классическаго міра,

потерявшаго всякій живой интересъ и даже большинству непонятнаго, въ среду обыкновенной, ежедневной и все́мъ понятной жизни, и этимъ самымъ подготовляли и расчищали путь для поэзіи Пушкина и вообще для дальнѣйшаго развитія нашей литературы. Но сами по себѣ положительныхъ результатовъ эти направленія дали русской литературѣ мало, такъ какъ ихъ попытки сблизить поэзію съ обыкновенной жизнью были еще очень далеки отъ своего осуществленія, и произведенія этихъ писателей страдали еще отрѣшенностью отъ дѣйствительной русской жизни. У сантименталистовъ сочинялись безжизненные фигуры въ родѣ бѣдной Лизы, добродѣтельнаго поселяннина Флора Силина и др. добродѣтельныхъ героевъ во вкусѣ пастушескихъ ложпо-классическихъ идиллій XVIII в. Романтики же или подобно Ленскому въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ воспѣвали только „нѣчто и туманну даль“, или толковали объ идеалѣ, о высшемъ совершенствѣ, къ которому надо стремиться, но самый этотъ идеалъ представляли себѣ то въ прошломъ, въ „миломъ воспоминаніи о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ“, то въ заоблачныхъ сферахъ, гдѣ-то не на землѣ.

Громадная заслуга Пушкина, которую никогда не должно забывать русское общество, прежде всего въ томъ и состоитъ, что онъ, наконецъ, освободилъ русскую литературу отъ иноземныхъ вліяній, вывободилъ русскую мысль изъ-подъ гнета условныхъ безжизненныхъ приемовъ, навязанныхъ этими вліяніями, и сообщилъ всей нашей послѣдующей литературѣ самобытное, жизненное и чисто русское, національное направленіе. Дѣло это было нелегкое и требовало большого таланта, несокрушимой энергіи и даже значительнаго гражданскаго мужества.—Начнемъ съ того, что самъ Пушкинъ былъ воспитанъ въ ложно-классическомъ направленіи. Русской и латинской словесности его училъ Кошанскій, Риторика котораго, служившая и послѣ Пушкина учебнымъ руководствомъ въ нашихъ школахъ, все проникнута была духомъ ложно-классическаго направленія. Въ ней онъ училъ, что цѣль

поэзіи—удовольствіе; средства, которыми она достигаетъ этой цѣли,—гармонія стиха и языкъ живописный, *необыкновенный*. Характерная черта поэзіи, по риторикѣ Кошанскаго, есть вымыселъ, согласный съ здравымъ умомъ и *вкусомъ*, а вкусъ есть не что иное, какъ *знаніе приличій*. (Кирпичниковъ, Очерки... стр. 128—129). Изъ поэтическихъ произведеній въ школахъ изучались и разбирались произведенія ложно-классическихъ же писателей и особенно бывшего еще въ живыхъ и занимавшаго видное положеніе Державина, до половины одъ котораго и Пушкинъ зналъ наизусть.

Для человѣка съ менѣе сильнымъ талантомъ, чѣмъ у Пушкина, уже одного этого было бы достаточно, чтобы и самому идти по ложно-классическому направленію. Но къ этому мы должны прибавить еще и то, что ложно-классическое направленіе, господствовавшее у насъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, успѣло глубоко засѣсть въ умахъ большинства такъ называемой интеллигенціи, такъ что тогдашніе присяжные критики всякое произведеніе, не подчинявшееся условнымъ правиламъ теоріи и стремившееся къ самобытности, не признавали поэтическимъ, считали слѣдствіемъ или невѣжества, или вольнодумства и поднимали противъ автора гоненіе. Еще въ 1817 г. въ посланіи къ Жуковскому Пушкинъ такъ жаловался, имѣя въ виду такихъ критиковъ:

Вѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой...

Кто выражается правдивымъ языкомъ

И русской глупости не хочетъ бить челомъ!

Онъ—врагъ отечества, онъ—сѣятель разврата!

И рѣчи сыплются на супостата.

И мы знаемъ, что стѣснительная и мертвящая теорія не разъ подчиняла себѣ даже могучихъ людей. Вольтеръ, напр., не признававшій никакихъ авторитетовъ въ серьезнѣйшихъ вопросахъ жизни,—этотъ „поэтъ въ поэтахъ первый“, по выраженію Пушкина въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній, трепеталъ

предъ строгими правилами александрійскаго стиха. Въ устахъ этого провозвѣстника великой свободы народовъ „манерь деревенскій“ въ литературѣ звучитъ такимъ же страшнымъ осужденіемъ, какъ и въ устахъ скромнаго профессора элоквенціи и піитическихкихъ хитростей Василя Тредьяковскаго. (Кирпичниковъ, Очерки... стр. 127--128).

И Пушкинъ, дѣйствительно, заплатилъ дань ложно-классическому направленію. Въ его стихотвореніи „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ встрѣчаются такіе, напр., стихи:

А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
 На своды опершись, несутся къ облакамъ.
 Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
 Не се ль Минервы русской храмъ?
 Не се ль Элизіумъ полнощный,
 Прекрасный царскосельскій садъ,
 Гдѣ, льва сразивъ, почалъ орелъ Россіи мощный
 На лонѣ мира и отрадъ?

.....
 Достойный внукъ Екатерины!
 Почто небесныхъ Аонидъ,
 Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскою бардъ дружины,
 Мой духъ восторгомъ не горить!
 О, если бѣ Аполлонъ піитовъ даръ чудесный
 Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
 На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
 И возсіялъ во тьмѣ время!

На основаніи того, что у каждаго изъ насъ хранится въ памяти о Пушкинѣ и др. нашихъ поэтахъ, можно скорѣе подумать, что приведенные стихи Ломоносова или Державина, но никакъ не Пушкина. Вотъ почему Державинъ, по выслушаніи этого стихотворенія на экзаменѣ изъ устъ 15-тилѣтняго поэта, и пришелъ въ восторгъ: онъ, очевидно, надѣялся видѣть въ Пушкинѣ наслѣдника своей лиры.—Но къ счастью для Россіи, надеждамъ Державина не суждено было оправдаться. Скоро и

легко Пушкинъ освободился отъ стѣснительныхъ путъ Риторикѣ Кошанскаго, и еще на лицейской же скамьѣ заявилъ, что отталкиваетъ его отъ себя „холодныхъ одъ творецъ ретивый, на скучный ладъ слетая вздоръ“; что онъ желаетъ поскорѣ ускользнуть изъ того кружка, въ которомъ читаются торжественныя оды; что онъ страшится и самъ участи безмысленныхъ пѣвцовъ, „насъ убивающихъ громадою стиховъ“.

Позже, въ пору зрѣлости литературныхъ убѣжденій, Пушкинъ въ письмѣ къ брату такъ высказалъ окончательное свое сужденіе о Державинѣ—этомъ „избранномъ пѣвцѣ царей“: „перечель я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживалъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ“.

Нерасположеніе къ ложно-классическому направленію у Пушкина обнимало, конечно, не только торжественную, похвальную оду, но и всѣ вообще творенія, требовавшія, по ученію старой нѣитики, возвышеннаго стиля, т.-е. преобладанія въ русской литературной рѣчи славянскихъ выраженій, и онъ такъ отзывался въ посланіи къ Жуковскому обо всемъ „безграмотномъ соборѣ снѣженныхъ риторовъ“:

Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,

Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,

Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ.

Ближе Пушкинъ стоялъ къ двумъ другимъ современнымъ ему литературнымъ направленіямъ у насъ,—сантиментальному и

особенно романтическому, какъ направлѣніямъ болѣе свѣжимъ, содѣржательнымъ и отличавшимся большею свободою и естественностью въ выраженіи мыслей. Съ этими направлѣніями, кромѣ того, его связывала общая борьба съ ложно-классиками. Но онъ скоро оставилъ далеко позади себя и эти направлѣнія, усвоивъ себѣ какъ изъ ложно-классицизма, такъ и изъ нихъ только одно хорошее: отъ ложно-классиковъ онъ усвоилъ себѣ тщательнѣйшую отдѣлку слога и стиха; сентиментализмъ побудилъ его создать такіе плѣнительные образы простодушныхъ и любящихъ женщинъ, какъ Черкешенка въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, Марья Ивановна въ „Капитанской дочкѣ“, Татьяна въ „Евгеніи Онѣгинѣ“; у романтиковъ онъ заимствовалъ смѣлость образовъ и вольный полетъ фантазіи, широту поэтического міросозерцанія и полную свободу отъ стѣснительныхъ школьныхъ правилъ.—И ко всему этому онъ прибавилъ то *свое*, что сдѣлало его такимъ великимъ, за что его по всей справедливости считаютъ отцомъ новѣйшей русской литературы: необыкновенно правдивое изображеніе дѣйствительности—и при томъ дѣйствительности *своей, русской, національной*. Онъ первый окончательно сблизилъ поэзію съ русской жизнью и первый съ горячей любовью вполне художественно и правдиво сталъ описывать родную русскую природу, родные русскіе нравы и жизнь русскихъ людей—и при томъ описывать именно такъ, какъ они отражались въ сознаніи русскаго человѣка.

При этомъ онъ такъ широко и разносторонне коснулся русской жизни, какъ не касался ни до него, ни послѣ него ни одинъ еще изъ русскихъ поэтовъ. Онъ изобразилъ предъ нами и „дѣла давно минувшихъ дней“, прошлое русскаго народа въ его болѣе видныхъ и характерныхъ моментахъ, создавъ цѣлый рядъ высокохудожественныхъ произведеній, каковы, напр., „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“, „Капитанская дочка“; онъ изобразилъ и современную ему Русь, начиная съ высшаго общества и кончая типичнымъ крѣпостнымъ слугою стараго вре-

мени Савельичемъ, и при этомъ изобразилъ настолько художественно и вѣрно, что одинъ изъ нашихъ даровитыхъ и авторитетныхъ историковъ (пр. Ключевскій) засвидѣтельствовалъ о важности произведеній Пушкина и для историка; онъ изобразилъ и поражающую своимъ величіемъ и красотою природу Кавказа и Крыма, и нашу однообразную, сѣренькую сѣверную природу; не забылъ онъ и народной поэзіи и художественно воспроизвелъ ее въ такихъ, напр., произведеніяхъ, какъ извѣстная всѣмъ намъ съ дѣтства сказка „О рыбацѣ и рыбкѣ“. И все это — „русская природа, русская душа, русскій языкъ“ въ поэзіи Пушкина „отразились въ очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности стекла“ (Гоголь), все это онъ передалъ, — какъ характеризуетъ его Тургеневъ, — такъ, что „сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка, — эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущенія — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей, поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ“. Въ подтвержденіе этого приведемъ слова французскаго писателя Меримэ, сказанныя однажды Тургеневу: „Ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою; наши поэты, напротивъ, идутъ совѣмъ противоположной дорогой: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ предстанетъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу.... У Пушкина, — прибавлялъ Меримэ, — поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ бы сама собою изъ самой трезвой правды“ (Рѣчь Тур. о Пушкинѣ. Собр. соч. т. XII, стр. 336). — Такимъ истинно русскимъ поэтомъ Пушкинъ продолжалъ оставаться даже и тогда, когда бралъ сюжеты не изъ русской жизни, такъ какъ и на сторонній міръ

смотримъ „глазами своей національной стихіи“ (Гоголь), а истинная національность и состоитъ именно въ этомъ.

Въ частности въ особую заслугу Пушкину слѣдуетъ поставить, во 1-хъ, то, что до него никто не изображалъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ нашей простой сельской природы съ такою простотою истины и съ такою теплою сочувствія. Если встрѣчались иногда въ нашей литературѣ описанія, то или въ нихъ русская природа слишкомъ украшалась и ей придавался идиллическій характеръ, или же это были описанія природы вообще, а не именно русской.

Онъ, во 2-хъ, окончательнo сдѣлалъ предметомъ поэзіи личность человѣка безъ различія его общественныхъ положеній, по его выраженію, „съ классическихъ вершинокъ“ спустился „на толкуцій рынокъ“, и первый сталъ изображать по преимуществу внутренній міръ человѣка.—Нельзя не упомянуть здѣсь объ одной характерной и весьма симпатичной чертѣ Пушкинской поэзіи—о его стремленіи при изображеніи человѣка по преимуществу подмѣчать и изображать его духовную красоту въ такихъ простыхъ людяхъ, не представляющихъ ничего выдающагося и эффектнаго, на которыхъ безъ Пушкина мы едва ли бы обратили вниманіе. Вспомните, напримѣръ, наивныхъ, простодушныхъ и невѣжественныхъ стариковъ Мироновыхъ; какую сердечную доброту, преданность другъ другу, какой высокой и истинный героизмъ, которому они сами не придаютъ значенія, отмѣтилъ въ нихъ поэтъ! Вспомните ихъ дочь—эту необразованную, застѣнчивую дѣвушку, которая однако-же является возстановительницей правды. Вспомните далѣе, изъ еще болѣе низкаго класса общества—дядьку молодого Гринева-Савельича, его самоотверженную преданность къ отданному на его попеченіе барскому дитяти и его просьбу къ Пугачеву, когда тотъ приказалъ повѣсить Гринева: „Отецъ родной! Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика“!

Сколько во всѣхъ этихъ и многихъ др. Пушкинскихъ лицахъ привлекательнаго и симпатичнаго и какъ художественно умѣлъ изобразить поэтъ ихъ духовную красоту.

Пушкинъ, наконецъ, первый подмѣтилъ и художественно изобразилъ одинъ такой русскій типъ, который, по выраженію нашего историка пр. Ключевского, „можетъ быть, самое своеобразное явленіе общественной фізіологіи. Онъ зародился лѣтъ 200 назадъ и, вѣроятно, долго проживетъ послѣ насъ. Ему трудно дать простое и точное названіе; въ разныя поколѣнія онъ являлся въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Достаточно указать на два имени въ его генеалогіи, чтобы видѣть степень его измѣчивости. Едва ли не первымъ блестящимъ образчикомъ этого типа былъ администраторъ и дипломатъ XVII в. Ординъ-Нащокинъ. Но скучающій отъ бездѣлья Евгеній Онѣгинъ былъ, въ прямой нисходящей, поэтическимъ потомкомъ этого историческаго дѣльца. Дадимъ этому типу имя сложное, какъ и онъ самъ: это — русскій человѣкъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ. Вотъ уже 200 л., — продолжаетъ пр. Ключевскій, — этотъ типъ господствуетъ надъ остальными и по вліянію на наше общество, и по своему интересу для историка. Безъ его біографіи пустѣетъ исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него сосредоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя уметвенныя, а подъ часъ и политическія движенія“ (Рѣчь пр. Ключевского на Пушк. праздникѣ 1880 г.).

Итакъ, Пушкинъ былъ у насъ первымъ самобытнымъ, русскимъ, національнымъ поэтомъ. Но онъ не только сообщил самобытность нашей литературѣ, но былъ и первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ „Стихотвореній въ прозѣ“ о русскомъ языкѣ такъ выразился: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правди-

вый и свободный русскій языкъ!— Не будь тебя, — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома?— Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“. И этотъ великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ до своего совершенства доведенъ былъ у насъ некимъ инымъ, какъ Пушкинымъ. Тотъ же Тургеневъ на Пушкинскомъ праздникѣ въ 1880 г. засвидѣтельствовалъ, что Пушкинъ „создалъ нашъ поэтическій, нашъ литературный языкъ, и что намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его гениемъ“. „Въ поэтическомъ словѣ Пушкина, — скажемъ словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ филологовъ, — пришли къ окончательному равновѣсію все стихіи русской рѣчи... Гениемъ Пушкина завершено рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія.... Первый и главный признакъ полного равновѣсія, въ какой поэзія Пушкина привела все стихіи русской рѣчи, видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній... У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслию, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всеми языками равно признанное выраженіе“ (Русскій Вѣстникъ 1856 г. кн. 2. Статья М. Каткова).

Создавъ нашъ литературный языкъ, Пушкинъ оставилъ послѣ себя также и прекрасные образцы во всехъ видахъ поэтическаго творчества: и въ эпосѣ, и въ лирикѣ, и въ драмѣ. Произведенія эти давно вошли въ учебные курсы и хрестоматіи и всемо извѣстны. Не буду поэтому перечислять и останавливаться на нихъ. Позволю остановить ваше вниманіе только на одномъ обстоятельстве. Въ 60-тыхъ годахъ, когда отъ поэта стали требовать, чтобы онъ по преимуществу изображалъ и обличалъ людскую пошлость, пороки и недостатки, когда преклонялись предъ поэтами „мести

и печали“, было высказано мнѣніе, что Пушкинъ не доросъ до этого направленія, остановившись на одномъ „искусствѣ для искусства“, на одной чистой художественности.—Мнѣніе это имѣло для себя нѣкоторое основаніе въ поэзіи Пушкина. Пушкинъ, дѣйствительно, какъ указалъ еще Гоголь, былъ по преимуществу поэтомъ эстетической стороны дѣйствительности, т. е. изображалъ въ своихъ произведеніяхъ свѣтлыя и возвышенныя стороны, а не пошлыя и низменныя. Къ тому же въ стих. „Чернь“ (1828 г.) онъ прямо и положительно отказывался отъ изображенія людскихъ пороковъ и недостатковъ и говорилъ:

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ, —
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

И однако, не смотря на все это, мнѣніе 60-тыхъ годовъ по существу невѣрно — и вотъ почему. Пушкинъ въ юности уже мечталъ быть „эхомъ русскаго народа“; въ стих. „Пророкъ“ рисуется у него идеалъ поэта, противоположный идеалу, изображенному въ стих. „Чернь“, и на поэта, представленнаго подъ образомъ пророка, возлагается обязанность „обходить моря и земли и глаголомъ жечь сердца людей“, а въ пору зрѣлости, не задолго до своей смерти, онъ уже съ увѣренностью говоритъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ надшимъ призывалъ.

Но что всего важнѣе, есть у Пушкина и такія произведенія, въ которыхъ уже несомнѣнно имѣется изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни. Припомните, напр., отрывокъ „Египетскія ночи“, гдѣ ѣдко осмѣивается тогдашнее общество, поэму „Мѣдный всадникъ“, гдѣ благо миллионѣвъ сталкивается съ благосостояніемъ отдѣльныхъ лицъ, другую поэму „Галубъ“, гдѣ ясно проводится идеалъ о борьбѣ личности съ предразсудками общества; припомните по-

вѣсть „Дубровскій“, герой которой является жертвой кляузы и дикаго произвола со стороны сильнаго; припомните, наконецъ, написанное въ 1819 году стих. „Деревня“, гдѣ великій поэтъ въ благородномъ негодованіи клеймитъ главнѣйшій общественный недугъ того времени—крѣпостное право и въ заключеніе высказываетъ свой идеаль, которому суждено было осуществиться только 42 года спустя:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря.

Было бы неблагодарностью съ нашей стороны не отмѣтить здѣсь и того, что Пушкинъ, самъ въ значительномъ большинствѣ своихъ произведеній оставаясь поэтомъ эстетической стороны дѣйствительности, прежде всѣхъ понялъ и оцѣнилъ важное значеніе поэзіи Гоголя,—этого перваго гениальнаго поэта одной пошлой стороны дѣйствительности, и тотчасъ же послѣ появленія въ печати первыхъ произведеній Гоголя „Вечера на хуторѣ“ принялъ его подъ свое покровительство. „Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки“,—писалъ онъ издателямъ „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду“.—Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость—искренняя, непринужденная, безъ жеманства и чопорности. Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился.... Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и пр.“ И онъ не только оказалъ Гоголю свое литературное покровительство, но сблизился съ нимъ, сдѣлался его другомъ, учителемъ и воспитателемъ: исправлялъ его слогъ, развивалъ его вкусъ, выяснялъ ему его истинное и высокое призваніе, старался развить въ немъ серьезное отношеніе къ дѣлу и направить его отъ юношескаго безпричиннаго и безцѣльнаго веселаго смѣха къ смѣху горькому надъ дѣйствительно

смѣшнымъ, — надъ тѣмъ что дѣйствительно заслуживало быть выставленнымъ на осмѣяніе и позоръ. Мало этого, сюжеты двухъ главныхъ, безсмертныхъ произведеній Гоголя „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ внушены Гоголю Пушкинымъ, и самыя эти произведенія писаны подъ руководствомъ Пушкина.

Такимъ образомъ все, что есть лучшаго въ нашей литературѣ, не исключая и самого Гоголя съ его художественнымъ изображеніемъ пошлой стороны дѣйствительности, — все это ведетъ свое начало отъ Пушкина. И если мы оглянемся назадъ, значеніе Пушкина будетъ для насъ особенно рельефно. До него русская мысль, оторванная отъ дѣйствительной жизни, охваченная, какъ цѣпями, стѣснительными условными правилами, какъ бы застыла и крайне медленно подвигалась въ своемъ развитіи. Послѣ него наша литература начинаетъ развиваться необыкновенно быстро: появляется цѣлый рядъ первоклассныхъ писателей, которые своими произведеніями могутъ помѣряться съ писателями западно-европейскими, которыми начинаютъ интересоваться всѣ образованные народы, переводить ихъ на свои языки и даже ждать съ нетерпѣніемъ появленія ихъ произведеній. И этимъ своимъ ростомъ наша литература обязана Пушкину, у котораго она выросла сразу на цѣлое столѣтіе. Еще 19 лѣтъ тому назадъ наши лучшіе писатели, наша слава и гордость, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій и цѣлый рядъ другихъ, менѣе видныхъ лицъ, но также хорошо извѣстныхъ въ нашей литературѣ, признали себя учениками Пушкина, ему обязанными своимъ развитіемъ и своей славой. „Положительно можно сказать, — говорилъ тогда Достоевскій: не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ. По крайней мѣрѣ, не проявились бы они въ такой силѣ и съ такою ясностью, не смотря даже на великія ихъ дарованія, въ какой удалось имъ выразиться впослѣдствіи, уже въ наши дни. Но не въ поэзіи лишь одной дѣло, не въ художественномъ творчествѣ: не было бы Пушкина, не опредѣлились бы,

можетъ, съ такою непоколебимою силою... наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ и вѣра въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ". (Рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 г.).

Въ своей рѣчи ораторъ съ ясностію показалъ, что заслуги А. С. Пушкина въ области художественной литературы непрееркаемы, слава его, какъ литературнаго гениа, прочна и достойна благодарности потомства. Поэту какъ бы въ отвѣтъ на эту рѣчь съ большимъ воодушевленіемъ прошѣтъ былъ полнымъ Семинарскимъ хоромъ гимнъ, — музыки Главача. Въ исполненіи этого гимна и музыка и пѣвцы были особенно хороши, — производили на слушателей пріятное и сильное впечатлѣніе. Послѣ гимна взошелъ на кафедру другой ораторъ, Преподаватель Семинаріи В. М. Березинъ, и сказалъ рѣчь *объ идеалахъ А. С. Пушкина*, которая была существенно — необходимымъ восполненіемъ первой рѣчи; потому что тайна глубокихъ воздѣйствій всякаго гениальнаго поэта на общество вполне открывается предъ нашими взорами лишь тогда, когда передъ нами выяняется не только внѣшняя, художественная форма произведеній поэта, но и внутренняя, идейная сторона ихъ. Интересная по своему предмету рѣчь В. М. Березина смѣнилась пѣніемъ прекрасной пьесы, музыки Лисицына, подъ названіемъ: Памяти Пушкина ¹⁾.

Послѣднее отдѣленіе Пушкинскаго праздника въ Семинаріи состояло изъ чтеній воспитанниками лучшихъ отрывковъ изъ произведеній поэта, — при чемъ всѣ чтенія смѣнялись пѣніемъ Семинарскаго хора. Воспитаникъ VI класса Анисовъ прочиталъ одну сцену изъ Скупого Рыцаря, воспитаникъ III кл. Барабановъ — монологъ Пимена изъ драмы „Борисъ Годуновъ“, воспитаникъ I кл. Благоволинъ — стихотвореніе Полководецъ. Чтецы, какъ

¹⁾ За недостаткомъ мѣста въ настоящемъ номерѣ, рѣчь В. М. Березина отлагается на будущее время.

замѣтно было, усердно готовились къ празднику, читали избранныя ими отдѣлы почти наизусть, обдуманно, съ чувствомъ и должною выразительностію, нигдѣ недопуская неумѣстной аффектаціи. Въ заключеніе праздника хоромъ пѣвчихъ, при участіи и другихъ воспитанниковъ, исполненъ былъ народный гимнъ, *Боже, Царя храни*, и пропѣта была церковная пѣснь: *Святися, святися, новый Иерусалимѣ...*

Послѣ праздника воспитанникамъ Семинаріи розданы были портреты А. С. Пушкина и разныя брошюры, имѣвшія отношеніе къ памяти его.

~~~~~

Пятидесятилѣтіе священства заштатнаго священника о. Александровскаго, состоящаго при Андреевской церкви Лемешенскаго Мануфактурнаго заведенія.

3-го декабря 1898 года исполнилось 50 лѣтъ служенія въ священномъ санѣ священника Андреевской церкви, при Лемешенскомъ Мануфактурномъ заведеніи, о. Петра Александровскаго. По инициативѣ владѣльца заведенія и попечителя Андреевской церкви Никитина, съ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго, празднованіе пятидесятилѣтія совершено было въ воскресный день, именно: 29 ноября, какъ день удобный для всѣхъ служащихъ и рабочихъ при заведеніи, изъявившихъ искреннее желаніе участвовать въ этомъ празднованіи. Торжество началось вечеромъ 28 ноября Всенощнымъ бдѣніемъ. 29 ноября Божественную литургію совершали: мѣстный Благочинный о. М. Второвскій, самъ о. П. Александровскій и его дѣти, при стройномъ пѣніи мѣстнаго хора пѣвчихъ. Предъ началомъ литургіи отъ попечителя церкви А. А. Никитина вручено было юбиляру цѣнное священническое облаченіе, нарочито изготовленное ко дню юбилея. Послѣ литургіи совершено было благодарственное молебствіе, въ которомъ принялъ участіе еще священникъ села Лемешка о. С. Снятиновскій.

Предъ молебномъ о. Благочинный Второвскій въ обращенной къ юбиляру задушевной рѣчи прослѣдилъ служеніе юбиляра на пользу св. Церкви за весь долгій, полувѣковой періодъ, отмѣтивъ особымъ вниманіемъ простоту, задушевность и отеческую любовь въ отношеніяхъ юбиляра къ пасомымъ во всѣхъ мѣстахъ его пастырскаго служенія; рѣчь свою о. Благочинный Второвскій закончилъ молитвеннымъ пожеланіемъ юбиляру долголѣтняго здравія на пользу св. Церкви, въ назиданіе пасомыхъ и въ примѣръ служителямъ Господня алтаря. Послѣ о. Благочиннаго, говорилъ рѣчь священникъ о. С. Снятиновскій, въ которой онъ, остановившись главнымъ образомъ на служеніи юбиляра при заводской церкви, охарактеризовалъ симпатичными чертами отношенія его ко всей заводской паствѣ и поздравилъ его съ юбилейнымъ днемъ отъ лица всѣхъ служащихъ при заведеніи. По окончаніи этой рѣчи, владѣлецъ заведенія, А. А. Никитинъ, и представитель отъ служащихъ при фабрикѣ г. Бурдюковъ поднесли юбиляру иконы. А. А. Никитинъ поднесъ икону святаго мученика Андрея Стратилата въ сребропозлащенной, художественной работы, ризѣ и въ изящномъ кіотѣ; а Бурдюковъ поднесъ икону св. преподобнаго Петра Аѳонскаго, также въ сребропозлащенной ризѣ. Облобызавъ св. иконы, о. П. Александровскій глубоко-взволнованнымъ голосомъ сердечно благодарилъ всѣхъ своихъ почитателей за выраженные ему чувства. Въ концѣ молебна, предъ благодарною Господу Богу молитвою, собравшіеся на торжество дѣти юбиляра поднесли ему икону св. преподобнаго Петра Аѳонскаго; при этомъ старшій сынъ юбиляра Костромской епархіи священникъ Александръ Александровскій въ краткихъ словахъ вознесъ къ Господу благодареніе за Его милость и небесную помощь, давшія юбиляру силы для полувѣковаго служенія въ священномъ санѣ; выразилъ тѣ чувства глубокой радости, которыя вызваны были проявленіемъ любви и признательности къ юбиляру, какъ со стороны владѣльца заведенія А. А. Никитина, такъ и со стороны служащихъ на заведеніи, и въ зак-

люченіе просилъ всѣхъ, собравшихся во святой храмъ, соединиться въ общей молитвѣ о здравіи юбиляра.

Молебствіе закончилось возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Царствующему дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Сергію и Юбиляру.

Послѣ этого всѣ почитатели о. Петра, во главѣ съ владѣльцемъ заведенія А. А. Никитинымъ, принесли юбиляру поздравленія въ обширномъ залѣ училища, гдѣ потомъ отъ о. Петра предложена была имъ скромная трапеза. Во время трапезы земскій начальникъ А. И. Куроѣдовъ, привѣтствуя о. Петра съ пятидесятилѣтіемъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ вспомнилъ о плодотворной дѣятельности его въ селѣ Новомъ, Владимірскаго уѣзда, — о ревностномъ религіозно-правственномъ воспитаніи прихожанъ, на почвѣ котораго облегчались для начальства многія задачи по благоустроенію быта крестьянъ села Новаго. Послѣ этого одинъ изъ сыновей юбиляра священникъ села Новаго, о. І. Александровскій, благодарилъ о. Петра отъ лица всѣхъ дѣтей его, за неустанныя заботы о воспитаніи ихъ, за долгіе труды по содержанію въ духовныхъ школахъ, за многія хлопоты по устройству ихъ.

О. Петръ Андреевичъ Александровскій родился въ 1825 г. въ селѣ Кувезинѣ, Вязниковскаго уѣзда, былъ сынъ дьячка; окончилъ курсъ во Владимірской духовной семинаріи въ 1848 г. и въ томъ же году 3-го декабря Преосвященнымъ Пароеніемъ рукоположенъ во священника къ церкви села Краснаго, Юрьевскаго уѣзда. Скудныя матеріальныя средства этого прихода, состоявшаго изъ 250 душъ, поставили о. Петра въ необходимость добывать хлѣбъ въ потѣ лица. Но о. Петръ не убоился труда, — энергично принявшись за обработку земли, онъ, въ простотѣ сердечной, съ глубокою вѣрою въ Бога, еще съ большимъ рвеніемъ взялся за воздѣлываніе нивы Христовой. Его задушевная простота въ обращеніи съ пасомыми и отеческая любовь къ нимъ скоро снискали ему уваженіе и полное довѣріе ихъ. При добрыхъ отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми, о.

Петръ нашель возможнымъ взяться даже за благоукрашеніе бѣднаго приходскаго храма. Въ селѣ Красномъ о. Петръ прослужилъ 24 года. Преосвященный Антоній въ 1873 году обратилъ вниманіе на скромнаго труженика и въ награду за терпѣніе перемѣстиль его въ с. Ермово, Переславскаго уѣзда,—въ приходъ болѣе обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи. Но здѣсь о. Петръ пробыль только три года,—въ 1876 году тотъ же Преосвященный перемѣстиль его въ с. Новое, Владимірскаго уѣзда. Здѣсь для первоначальнаго служенія о. Петра представлялось не мало затрудненій, которыя вытекали изъ того, что въ новомъ приходѣ, среди словесныхъ овецъ стада Христова, было не мало такихъ, которые находились внѣ ограды церкви Христовой, именно раскольниковъ, но о. Петръ съ теченіемъ времени своею христіанскою любовію смягчилъ сердца ихъ, и если не присоединилъ ихъ къ стаду церкви Христовой, то все-же научилъ уважать и почитать пастыря ея. Въ 1889 г. о. Петръ, по прошенію, вышелъ за штатъ и поступилъ для исполненія пастырскихъ обязанностей къ церкви св. Андрея Стратилата при Мануфактурномъ заведеніи А. А. Никитина. За свои скромныя труды о. Петръ былъ награжденъ набедренникомъ, скуфьею и камилавкою; кромѣ того, ему преподано благословеніе отъ Св. Синода съ выдачею установленной грамоты.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Содержаніе 4-й книжки Богословскаго Вѣстника за 1899 г.

Св. отца нашего Кирилла Архіеп. Александрійскаго толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна.

Евангеліе по Матѳею *М. Д. Муретова*. Духовное лицо въ званіи третейскаго судьи *Н. А. Заозерскаго*. Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта *П. В. Тихомирова*. Изъ церковной жизни православныхъ славянъ *Г. А. Воскресенскаго*. По Японіи (записки мисіонера) *Архим. Сергія*. Библіографія,—новости иностранной литературы по патрологіи *И. В. Попова*.

Автобіографическія записки Высокопреосв. Саввы Архієпископа Тверскаго.

Содержаніе 5-й книжки Богословскаго Вѣстника.

Св. отца нашего Кирилла Архієп. Александрійскаго толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна.

Евангеліе по Матѣю *М. Д. Муретова*. Греческія школы, — общеобразовательныя и духовныя въ Константинопольскомъ патріархатѣ турецкаго періода *А. П. Лебедева*. Религіозная вѣра, какъ біогенетическій принципъ въ психологіи *А. И. Введенскаго*. Духовное лицо въ званіи третейскаго судьи *Н. А. Заозерскаго*. Рѣчь предъ благодарственнымъ молебномъ о здравіи Государя Императора 6 мая 1899 г. *Епископа Арсенія*. Академикъ Бычковъ, почетный членъ Москов. Дух. Академіи *Г. А. Воскресенскаго*. Библіографія, — новыя книги по исторіи философіи *П. В. Тихомирова*.

Автобіографическія записки Высокопреосв. Саввы, Архієпископа Тверскаго.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ, ДЕВЯТОЕ ИЗДАНІЕ КНИГИ:

„ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ“

ВЪ ТАБЛИЦАХЪ,

показывающій весь порядокъ церковныхъ службъ рядовыхъ и всѣ особенности праздничныхъ службъ въ теченіи года

въ 3-хъ частяхъ.

Составл. свящ. А. Неаполитанскимъ. Новое изданіе исправлено и дополнено примѣчаніями для разрѣшенія недоумѣнныхъ случаевъ церковно-служебной практики.

Цѣна 1 р. 10 к., съ пересылкой 1 р. 30 к., въ корешковомъ переплетѣ 1 р. 50 к., въ коленкоровомъ 2 руб.

Складъ у издателя **Н. А. Паркова** во Владимірѣ.

ВЫШЛО 2-мъ ИСПРАВЛЕННЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

ОБЪЯСНЕНИЕ

ВАЖНѢЙШИХЪ МѢСТЪ

ЧЕТВЕРОВАНГЕЛІЯ.

2 ЧАСТИ ВЪ ОДНОЙ КНИГѢ (620 страницъ).

Одобрено Учебн. Комитетомъ при Св. Синодѣ для употребленія въ духовн. семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия. (Обширный похвальный отзывъ см. въ неоф. ч. Церковн. Вѣдомостей, 1893 г., № 15).

Цѣна 2 руб. 50 коп., за пересылку прилагается 30 коп.

Учебнымъ заведеніямъ и духовно-книжнымъ складамъ дѣлаются уступки:

а)	въ случаѣ требованія	5 экзем.	не берется за пересылку.
б)	»	»	10 » уступ. еще 10 ⁰ / ₀
в)	»	»	20 » » 20 ⁰ / ₀
г)	»	»	30 » » 30 ⁰ / ₀

Священнослужители, въ случаѣ стѣсненія въ средствахъ и личнаго обращенія къ автору, не прилагаютъ за пересылку.

Адресъ автора: *Кіевъ, дух. семинарія, С. В. КОХОМСКОМУ.*

Отъ колокольныхъ заводовъ бр. Приваловыхъ.

Колокольные заводы бр. Приваловыхъ въ Н.-Новгородѣ и Н.-Ломовѣ, Пензенской губ., имѣютъ всегда для продажи

готовые колокола при заводахъ, на Нижегородской и Сибирской ярмаркахъ, а также принимаютъ заказы. Фирма существуетъ съ 1817 года, и удостоена медали на Всероссийской выставкѣ 1896 года.

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

Синай.—Св. Василій Великій, какъ спослішникъ иноческой жизни. (Окончаніе).— Празднованіе во Владимірской Духовной Семинаріи по случаю столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина.—Пятидесятилѣтіе священства заштатнаго священника о. Александровскаго, состоящаго при Андреевской церкви Лемешенскаго Мануфактурнаго заведенія.—Объявленія.

Редакторъ *М. Плаксинъ*.

Печатать позвол. Цензоръ Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Евгеній*.

Печатано въ Типо-Литографіи В. А. Паркова. Юня 2-го дня 1899 года.